

ВЛАСТЕЛИНА БОГАТОВА

ГОРНИЧНАЯ
ДЛЯ
МАГА

Властелина Богатова
Горничная для Мага

«Литнет»

2020

Богатова В.

Горничная для Мага / В. Богатова — «Литнет», 2020

Едва Фабиана вернулась из пансиона, её выдают замуж. Всё бы хорошо: жених — богат и влиятелен. Вот только вряд ли его сын обрадуются такой молодой мачехе. Единственное, что ей остаётся — бежать. Чтобы скрыться от погони новоиспечённого жениха, она выбрала публичный дом... Сбегая от одного высокородного господина, девушка оказалась в таинственном замке другого, ещё более высокомерного лорда. И у неё очень плохое предчувствие...

© Богатова В., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

Фабиана

«Её цена высока», — стучала набатом в голове фраза дядюшки, от которой Фабиану выворачивало наизнанку.

«Хочу её».

«Сколько?»

«Семьсот золотых».

Коридор, в который Фабиана выбежала, расплывался, глаза жгло от подступающих слёз, девушка подобрала подол юбки, побежала вперёд, гулко стуча каблуками по деревянному полу. Добежав до своей комнаты, зло толкнула двери и вбежала внутрь. Хлопнув створкой, ринулась к столу, одним рывком смахнула с него чайный сервиз, который с грохотом полетел на пол. Глубоко дыша, Фабиана оперлась руками на столешницу и смежила ресницы, пытаясь унять яростно kloкочущее сердце.

— Подлец! Какой же подлец! — шипела она.

В следующий миг Фабиана всхлипнула, но тут же заставила себя не плакать. Новый приступ гнева охватил девушку, она схватила вазу из годионского стекла со свежими, нарезанными утром служанкой розами, замахнулась в стену и застыла. В голове что-то щёлкнуло. «Что она делает? Всевидящая, что она делает?». Фабиана глянула на разбросанный сервиз на полу и задержала дыхание.

«Это не я», — отозвалось эхом в голове. Она — всегда примерная, скромная, послушная, добродетельная, отзывчивая — никогда не была такой разгневанной, разъярённой до душного жара в груди. Просто... Просто Фабиана никогда не испытывала всю глубину отчаяния.

Как он мог?! Фабиана думала о том, что дядя — единственный родственник, который так бережно заботился о ней всю жизнь, любил, опекал, дарил тепло — вдруг в одночасье оказался предателем. Чужим. В груди заныло. В ответ своим чувствам Фабиана нахмурилась. Теперь этот родной человек отдаёт её замуж за этого старикана! Нет. Не отдаёт — продаёт, как вещь! Как товар! Как рабыню! Выставляет вон из её собственного дома!

«Семьсот золотых» — Фабиана горько усмехнулась.

Что ужаснее всего, дядюшка давно планировал избавиться от них — от неё и брата. Давно замыслил, едва только не стало О-Лидэров. Фабиана зажмурилась, сглатывая ком, понимая, что дядя хочет присвоить всё их наследство себе. Все эти вещи её родителей, которые согревали душу, которыми она дорожила с детства, теперь всё это Витор, этот лжец, хочет отнять у них.

— Ненавижу! — шикнула зло сквозь зубы.

В груди сдавило, и сложно было понять, что Фабиана испытывала — боль? Предательство? Ярость? Всё вместе.

Крепче сжала вазу и со всего маха швырнула ее в стену. Дорогое стекло лопнуло, взорвалось голубыми искрящимися осколками и брызгами воды.

— Ничего у него не выйдет. Я приняла решение. Я ухожу. УХОЖУ!

Она уйдёт сама, сбежит, но не позволит, чтобы об нее вытирали ноги, отдавали за старика с трясущимися руками, у которого, между прочим, молодые сыновья её возраста. Немыслимо!

Фабиана кинулась к шкафу, выгребая из ящичков ценные вещи: украшения, деньги, документы — всё, что осталось у неё в личном пользовании. Сгребла всё в охапку, вернулась к столу. Расстелила кружевной платок и выгрузила всё на него, связала в узел.

Фабиана могла бы подождать, отправить весточку брату, дожидаться ответа, его личного визита, но сколько пройдет времени?! Он не успеет, дядюшка благополучно выдаст её замуж

и скажет, что она была на это согласна. Будет поздно. Потому нужно действовать решительно и быстро.

Торопливо спрятала узел за пазуху.

— Фабиана! — раздался мужской бас позади.

Девушка вздрогнула и развернулась, вытягиваясь в струнку. Строгий тяжёлый взгляд мужчины скользнул по разброзанному сервизу и подтёкам на стене.

— Я вижу, ты не рада.

Сердце пропустило удар. Не рада? Ха! Фабиана едва сдерживала себя, чтобы не вылить всю ярость и обиду, но усилием, так что её затопило, подавила это желание.

Улыбнулась, но улыбка вышла фальшивой. Ну и пусть! Какая теперь разница?!

— А как вы думаете? — голос предательски дрожал от напряжения, даже горло сдавливалось в спазме, но Фабиана продолжила: — Вы моим родителям дали обещание над надгробной плитой заботиться о нас, и насколько исполняете этот долг, ведомо только вам, — очень хотелось призвать его к раскаянию.

Но нет. Витор гневно сузил глаза, в которых заиграло холодными искрами раздражение.

— Да, я забочусь о тебе как о собственной дочери и думаю, что в этом союзе ты станешь счастлива, — бесстрастно отпарировал Витор.

Яд презрения всплеснул где-то в горле, и девушка едва подавила горький смешок.

Бессмысленно. Он считает, что поступает разумно, правильно. Оставалось только надеяться, что тех денег, что заплатил ему эрн Груно, не хватит, чтобы заглушить голос совести, и она рано или поздно съест его.

— Не задерживайся, гость ждёт, — бесцветно напомнил дядюшка, — верю, что ты покажешь себя с лучшей стороны, ведь не зря же я оплачивал твоё обучение все эти годы, — теперь без тени лицемерия заявил он, показывая свои истинные гнилые намерения в обидных до слёз словах, от которых подкосились ноги.

Фабиана скорбно промолчала, в полной мере чувствуя свою незащищённость. Ощутила её ещё острее, когда он вдруг приблизился. Мужчина был намного выше, имел высокий лоб, выпирающие скулы, тонкие сжатые губы и крупные крылья носа. Он поддел подбородок девушки пальцами с аккуратно подстриженными ногтями, заставляя посмотреть на него. В серых глазах вдруг вспыхнуло презрение, ревность и что-то ещё — Фабиана не успела понять.

— Вся в мать, — вдруг выплюнул он.

Девушка содрогнулась, будто Витор этим тоном осквернил память матушки. Будто в этих словах скрывалось что-то большее, чем просто ненависть. Дёрнулась, отшатываясь, выказывая всё своё омерзение, кривя губы, но со стороны она — загнанный в угол зверёк, слабая и беспомощная. И это было так.

Витор небрежно ухмыльнулся, бросая на нее до глубины колкий звериный взгляд, сбрасывая маску и показывая всем своим видом, насколько она ему безразлична, насколько чужая. Как же Фабиана обманывалась всё это время, считая его родным! Этот человек совершенно для неё чужой, корыстный, бездушный, алчный подлец, готовый продать душу за мешок монет. Фабиана пристально смотрела замутнённым взглядом мужчине в спину, пока дверь за ним не захлопнулась. Её всю трясло. Она чувствовала себя в ловушке. Сбросив наваждение, хрустя каблуками по стеклу, подступила к постели. Рывком сдёрнула одеяло и простыни. Скрутила их в канат и перекинула через оконную раму, крепко привязав к железной жерди, на которой держались горшки с её любимыми фиалками. Убедившись, что всё держится крепко, забралась на подоконник и, ухватившись за «канат», с лёгкостью принялась спускаться. В пансионе она научилась не только вышивать гладью и исполнять ноты, но и, поддерживая форму, верховой езде.

Наконец, настигнув земли, Фабиана прыгнула на траву, растёрла зудящие ладони, расправила складки и, поправив причёску, пустилась почти без оглядки в сад, выбирая потаён-

ные тропки, чтобы случайно не наткнуться на садовника. Уже через пару минут она настигла бетонной стены, поросшей диким плющом, пошла вдоль неё и вскоре оказалась у кованой дверцы. Выдернув из волос шпильку, взяла покрывшийся утренней росой замок. Открыть его было несложно, в детстве Фабиана проделывала этот трюк множество раз, когда они с братом убегали от гувернантки играть с другими детьми у старых мельниц. Правда, после им доставалось от родителей. Фабиана отринула прочь далёкие воспоминания, когда матушка и отец были живы.

Замок щёлкнул. Сбросив цепь, Фабиана, оглядевшись по сторонам, скользнула за дверь. Шла быстрым шагом, иногда пускаясь в бег, преодолевая густые липовые рощи. Платье становилось от травы мокрым и тяжёлым, но ей было всё равно. Главное — оказаться как можно дальше от усадьбы О-Лидэр.

— Я ещё поборюсь за своё наследство, по праву принадлежащие мне и Тánору!

Танор на год младше Фабианы, он служит в гвардии королевства Вальштора и занимает особую должность в обороне. Брата Фабиана не видела с того мига, как отправилась в пансион, точнее, её отправил дядя, чтобы спокойно управлять делами своего погибшего брата. Прошло уже восемь лет с того мига, как она видела любимого Танора. Но Фабиана никогда не забывала о младшем брате и слала ему письма на годовые праздники, безумно скучая. Танор не всегда отвечал, но это и понятно, он сильно занят и часто бывает в разъездах. Иногда он отвечал, и пусть эти письма были короткими и немногословными, но всё же безмерно радовали.

Торговая площадь, куда Фабиана за потоком мыслей добралась довольно быстро, гудела и кипела жизнью. Это не загородные тихие рощи с безбрежными озёрами, тенистыми тропками и реками, а самая настоящая толкучка. Фабиана почувствовала себя в коробе с пчёлами. Если она когда-то и бывала здесь, то проездом.

Все пихались, ругались, гремели колёса, лаяли псы, даже пешим сложно протолкнуться, и когда девушка выбралась к многоэтажным лавкам и хозяйским дворам с черепичными крышами, откуда веяло сдобными выпечками и жареным на углях мясом, свободно выдохнула. Передохнув, двинулась вдоль харчевен и лавок, рассматривая висевшие на заржавевших цепях железные вывески с разными названиями и рисунками, пока не наткнулась на опрятное крыльцо, украшенное цветами.

— Надо же... — девушка встала у порога, прочитав выкрашенные красивыми буквами название хозяйственного дома, попутно разглядывая окна, в которых виднелись занавески, и удивлялась тому, что среди вонявших рыбой и жареным луком забегаюлок можно найти приличное заведение. Ей на первое время нужно найти хоть какое-нибудь жильё. И лучше это будет что-то неприметное и подальше от пригорода, где Витор даже не подумает её искать. Этот хозяйственный дом оказался весьма кстати.

Набрав в грудь больше воздуха, шагнула на порог и тут же едва не столкнулась лбом с выходившей посетительницей.

— Простите, — виновато буркнула Фабиана.

Девушка в ответ брезгливо скривила губы, но следом вперилась оценивающим и даже слегка удивлённым взглядом. Конечно, на Фабиане хоть простое платье, но из весьма дорогой ткани, и это может заметить любая простолюдинка.

— Можешь даже не заглядывать, — бросила она задерживаясь. — Мест нет. Так что разворачивайся и топай назад, откуда пришла.

Нахальный тон возмутил и поднял бурю чувств, но Фабиана понимала, что сейчас она обычная девушка, ищущая укрытие — как-никак день клонился к ночи.

Незнакомка ещё раз проскребла взглядом по телу девушки с толикой зависти, дёрнув подбородком, сошла с порога с выпрямленной спиной и почти сразу затерялась среди прохожих.

Постояв немного, Фабиана повернулась к двери. Решительно толкнула створку, проходя внутрь. В комнате, в которой она оказалась, было сумрачно, после шумной площади — очень тихо. Из других дверей навстречу сразу вышла высокая стройная женщина в строгом платье. Фабиана даже издали слышала усталый вдох.

— Мест нет, — заявила управляющая.

— Простите, — терять надежду Фабиана не собиралась, тем более это самое приличное заведение на этой улице, — может, вы посмотрите лучше, я доплачу.

Женщина застыла, вытянутое лицо закаменело, но в следующий миг она вышла на свет, оглядывая девушку пристальнее. Конечно, денег было немного, но сейчас не было выбора, позже Фабиана подыщет что-то дешевле.

— Сейчас много приезжих, и все гостиные дома заняты. Но... — женщина смолкла и добродушно улыбнулась, — меня зовут Жаклит. А тебя?

— Фа... Мариса, госпожа, — прикусила язык, едва не выдав себя.

— Сколько тебе нужно мест, Мариса? На сколько ночей?

— Одно место на одну ночь, — платить лишнее она не собиралась.

Оставаться надолго поблизости пригорода опасно. Дядя может её легко найти. Поэтому поутру Фабиана отправится в центр города искать встречи с Танором.

— Хм... — Жаклит задумчиво подвела глаза к потолку. — Пожалуй, есть один вариант. Подожди меня здесь.

Фабиана кивнула и вскоре осталась одна. Девушка прошла к окну, коснулась бархатных занавесок. Здесь пахло горьким табаком и деревом, совсем как в кабинете отца, который занял Витор. Похожая на знакомую обстановка немного расслабила. В полной тишине наблюдая за суетой на улице, Фабиана представила, как разъярён сейчас дядюшка, даже уши загорелись.

Ожидание продлилось недолго, Жаклит появилась уже через пару минут, шурша тяжёлым подолом платья.

— Вот, — сказала женщина, протягивая Фабиане свёрток бумаги. — Здесь написан адрес гостиницы «Золотой пион», там есть свободное место как раз для такой милой девушки. Эту записку передашь хозяину двора Вилберну эрн Гордсиону. Скажешь, что ты от господина Мельвиля. Он сразу поймёт.

Фабиана, выслушав всё внимательно, забрала свёрток, немного расстроившись — ведь придётся куда-то ехать, хотя это, может, и к лучшему.

— Благодарю, — присела в реверансе, но поздно поняла, что это лишнее.

— Ох, пустяки, рада помочь, — мило улыбнулась Жаклит.

«Золотой пион» оказался едва не на самом краю Вальштора — Фабиана бы уже добралась до брата. Небольшой пригород на побережье Даранского залива раскрылся во всей своей красе с множеством мостовых, с рядами каменных многоэтажных построек, которые плотно прилегали друг к другу. Место с первого взгляда показалось приятным, особенно в вечернем, потухавшем в рифах закате.

Расплатившись с почтовым возничим, что любезно согласился довезти, да и тому было по пути, Фабиана повернулась к дороге. Признать, она недоумевала, зачем было отправлять её в такую даль. Но дело сделано, и она здесь. Осталось только найти тот самый двор.

Здесь тоже было много народу и повозок со скучающими возничими. Женский смех доносился до слуха откуда-то из цветущих акаций. Фабиана пошла по улице, разглядывая постройки, вот только, едва сталкиваясь с толпой мужчин, спросить о том, где находится двор, она не решалась. Девушка начала замечать, что здесь что-то не так, и, наконец, поняла: мужчины не совсем приличные. И дело не в одеждах, а во взглядах, которыми они провожали — откровенных, похабных, оценивающих, от которых хотелось отгородиться, поскорее уйти.

Девушки и женщины тоже не вызвали доверия, слишком раскрепощённые, развязные. Чуть дальше из раскрытых дверей шумных трактиров вываливались пьяницы, они шумели и хохотали. Фабиане с каждым шагом становилось не по себе. Что это за место? Куда её отправили?

Дошла до конца улицы, уперлась в каменную стену и поняла, что заблудилась, а уже заметно смеркалось.

— Вот же проклятье. И где этот дом? — закрадывалось чувство, что её обманули.

Но только зачем? Фабиана не понимала.

— Эй, красotka! — раздался со стороны каменной арки мужской голос. Фабиана вздрогнула и обернулась. К ней шёл мужчина: молодой, худощавый, с бледным лицом и такими же светлыми бровями и волосами, одет в серебристый сюртук, шейный платок растрёпан, как и полы рубашки, торчавшие из штанов. — Заблудилась? Или ждёшь кого? — шатающейся походкой приблизился молодой мужчина.

Фабиана попятилась назад. Что ему нужно от неё? Бежать некуда, а мужчина явно нетрезв. Сглотнула, слыша доносившийся издали неразборчивый гул и городской шум. Выпрямилась, взяв себя в руки, хоть сердце застучало, как ошалелое.

— Я ищу трактир «Золотой пион», — призналась, всё же не теряя надежду, что парень не откажет ей помочь.

Но едва он приблизился, Фабиана поняла, что помогать он не намерен. Липкий взгляд голубых глаз похотливо скользнул по её фигуре, тонкие губы скривились в мерзкой ухмылке. Фабиана напряглась. Ткань платья прилипла к спине и колола.

— И кто же там ждёт такую сладкую уточку?

Бесцеремонный тон вызывал прилив злости.

— Какая вам разница? — позабыв о страхе, выпалила она, когда мужчина подошёл ещё ближе, закрывая ей дорогу.

— А может, ищешь меня, а? — нахал распустил руки, обхватывая ее за пояс и бесцеремонно притягивая к себе.

Фабиана упёрлась кулаками в его грудь, пыталась увернуться и вырваться, но мерзавец бесстыдно сжал мягкое место ниже поясницы, вжался пахом в неё, прильнув к шее мокрыми губами. К лицу девушки прихлынул жар, такой душный, что она задохнулась, хватая ртом воздух. Охватившая паника застала врасплох. Фабиана хотела его ударить коленом, но ничего не вышло, когда наглец потеснил её к стене и придавил своим весом.

— От-пустите, слыши-ите... — шипела она хрипло, пытаясь увернуться от жёстких липких губ, грубых рук.

Ещё ни один мужчина не смел ее касаться, особенно так. Отчаяние вместе со страхом лишали ее воли, и хотелось уже плакать, Фабиана даже кричать не могла, испытывая всю безысходность, навалившуюся на неё в виде пьяного гуляки. Где-то на краю сознания билась мысль, что это всё нужно остановить, иначе... иначе. Она готова была умереть.

Мужчина сопел, пытаясь справиться с застёжками на её воротах, рвал ткань и царапал кожу. Ещё немного, и он обнаружит ценные вещи! Фабиана, собрав остатки воли, поднатужилась, прикладывая силу, отстраняя от себя тяжёлое тело.

— Немедленно прекратите! — яростно процедила сквозь зубы, пытаясь. — Меня ждёт почтенный господин, и ему не понравится, если я ещё хоть сколько-нибудь задержусь...

Хватка немного ослабла. Мужчина с сомнением сощурил глаза. Фабианы ликовала.

— ...У меня есть записка для этого господина, — это было единственное её спасение.

— Выкладывай, кто тебя там ждёт? — проявил он скучающий интерес, но всё же чуть отстранился.

Судорожно дыша, полезла в складки платья. Пальцы не слушались, внутренняя дрожь мешала думать, но когда Фабиана с диким ужасом обнаружила, что бумажного свёртка не оказалась в женской поясной сумочке, вся её решимость рухнула. Как же так?!

Она снова и снова трясла её, шупая дно. Нет. Пусто. Неужели выпала?

— Обманываешь, уточка, — подал мерзкий голос мужчина, — думала, поддамся на уловку? Как бы ни так! Раз пришла, поработай хорошенько, а я, возможно, если мне понравится, заплачу, — он грубо схватил девушку за запястье, толкнул, впечатывая в стену, склоняясь к лицу.

Фабиана успела увернуться, зажмурившись, ощущая, как щетина царапает нежную кожу.

— Я не вру, я скажу его имя. Вам крупно не повезёт, если он сейчас придёт за мной, — голос не принадлежал ей, в глазах плыло.

Мужчина снова застыл и медленно повернул голову.

— Ну и кто он? — кажется, это его останавливало, видимо, в этом квартале были свои влиятельные лица, которых остерегались.

— Господин... — Фабиана с ужасом поняла, что забыла имя, о котором ей говорила Жаклит. Всевидящая! Хотелось заплакать от обиды. — Господин...

— Хэварт Ламмерт, — раздался мужской голос откуда-то со стороны.

Насильник резко повернулся, выпуская девушку. Она глянула туда, откуда появился этот голос — уверенный, сильный. В тени кто-то стоял, Фабиана разобрала за туманом мужской силуэт. Откуда он взялся? И что он видел? Щёки запылали, когда поняла, что видел он многое, раз подхватил разговор и спас ее. А может, он случайный прохожий и окажется одним из таких же, как этот мерзавец? И попросту сейчас присоединится к своему сообщнику? Эта мысль ввергла в ещё большее оцепенение, девушка перестала дышать, понимая всю глубину своей безысходности. Попятилась, скользя ладонями по холодному камню, вжимаясь в него, медленно отступая, сдерживаясь, чтобы не броситься в бег.

Тот мужчина, который назвал своё имя, уверенно двинулся в их сторону. Фабиана смогла разглядеть его лучше, едва он вышел из сумрака: высокий, чуть худощавый, но с рельефным телом — это заметно даже под жакетом, идеально завязан шейный платок, на руках кожаные перчатки — одним словом, аристократ высшего слоя. На мгновение её взгляд встретился с его. Карие глаза под тёмные прядями, падавшими на лоб, утянули в бездну. Он насмешливо приподнял бровь, будто знал её, видел всю насквозь. Нет, не может быть, чтобы он оказался из таких проходимцев, как первый. Ведь так? Так?

Фабиана сглотнула, когда её взгляд задержался на его шее, где проступала испарина. Губ незнакомца коснулась откровенная ухмылка, разбив вдребезги все иллюзии. «Он такой же», — разлилось горьким разочарованием. В ушах зашумело от притока крови и стыда, Фабиана отвела взгляд.

— Да неужели? Как докажешь, что ты Ламмерт? — встрепенулся подлец, криво усмехаясь, забывая о своей «добыче».

И только тут Фабиана увидела сверкающий сталью нож в его руке. Спина и ладони вмиг покрылись холодным потом, сердце заколотилось молоточком в груди, горло сжало клещами страха, но не за себя. В воздухе повисло такое напряжение, что казалось — полетят искры или произойдёт взрыв. Незнакомец, не обращая внимания на угрозу, спокойно прошёл к Фабиане. Что он намеревается делать? Она растерянно захлопала ресницами, когда он встал почти вплотную, нависая, закрывая собой. От мужчины насыщенно пахло горячей смесью ароматов, Фабиана не могла разобрать так быстро, потому что незнакомец вдруг склонился и, обхватив ладонью её лицо, впился в губы.

Фабиана охнула, всколыхнулась, как пойманная птица, но пальцы настойчиво вдавились в челюсть, вынуждая застыть и подчиниться. Губы сами раскрылись, бесстыдно скользили о губы мужчины, вызывая странные тянущие ощущения, наливающие её тело горячей тяжестью.

«Что происходит?! Что, вообще, происходит?» — твердил голос разума, когда рот девушки был всецело занят.

— Что вы себе...

Фабиана попыталась отстраниться, задыхаясь, но мужчина в ответ только переместил руку на затылок, вжался в губы сильнее, страстнее, углубляя поцелуй, крадя остатки дыхания и разума, оставляя лишь настойчивые движения мягких сухих губ, чуть горьких и пряных. Смесь острых смешанных чувств растеклись зыбким жаром по телу девушки, ослабляя колени. Фабиана сквозь туман поняла, что это выглядело со стороны так, будто они страстные любовники, безумно соскучившиеся друг по другу.

— Эй! — крикнул мерзавец, дёргая незнакомца за плечо.

Мужчина чуть отстранился, приоткрыв ресницы, позволяя Фабиане вдохнуть и тут же утонуть в блестящих звёздами чёрных безднах.

— Отойди в сторону, — прошептал он, обдавая влажные губы, горячим дыханием.

По телу пробежали мурашки и внутренняя дрожь от его вкрадчивого голоса, от того, как в чёрных глазах сверкнуло что-то холодное. Опасное. Фабиана никогда не бывала в таких передрыгах. Она судорожно кивнула, доверившись незнакомцу, да и был ли выбор? Быстро отступила, скользя по стене, не отрывая взгляда от молодого мужчины, будто загипнотизированная им.

— Ты на страх хочешь взять, да? Эта не твоя девка, я тебя насквозь вижу, убирайся, эта шлюха моя! — подонок явно нарывался, набычившись, готовясь к драке.

В следующий момент он и в самом деле рассёк воздух ножом, выставляя его вперёд, делая выпад, едва не задевая незнакомца.

Фабиана вскрикнула, зажав губы ладонями. Всё происходило слишком быстро: незнакомец перехватил руку нападающего, вскинул локоть и резко ударил им в лицо противника. Раздался глухой неприятный стук, подонок крутанулся вокруг соперника, словно нашкодивший пёс, и тот круто заломил ему руку. Подонок согнулся пополам и заорал, его бледное лицо исказила неподдельная боль.

— Отпусти! Отпусти, я всё понял, понял! — ревел он, оглушая Фабиану.

— Твоё? — склонился к нему кареглазый, что-то показывая.

Фабиана рассмотрела что-то металлическое в его руке — обычные карманные часы на цепочке.

— Твоё? — рыкнул, потребовав ответ, заламывая руку круче.

— Что-о-о? — на бледном лице мерзавца отразилось искреннее недоумение. — Сукин с... — он не договорил — на лице отпечаталась гримаса теперь уже беспомощной муки. — Моё, моё-о-о, отпусти только.

Он полетел вперёд, но, сделав два шага, потерял равновесие, споткнулся и рухнул на землю.

Фабиана сглотнула.

Незнакомец швырнул следом и часы, которые упали рядом с негодяем на землю.

— Да нужна мне эта потаскуха! Их тут целый курятник! Забирай! — рявкнул проходивший, утирая кровь, шедшую из носа, что заливала его подбородок, пачкая шейный платок.

— Пошёл прочь, — шикнул темноволосый, брезгливо оскаливаясь.

Фабиана аж вздрогнула от его вида — холодного и неприступного.

Подонок хорошо знал, кто перед ним. Знал и боялся. А значит, и Фабиане тоже следовало поостеречься. Девушка перевела дыхание, когда гуляка торопливо подобрался и, шатаясь, бросился прочь, вскоре исчез под сводом ворот.

Господин Ламмерт, как он представил себя, склонившись, подобрал часы, расправил плечи, которые, между прочим, были притягательно широкими, делая его фигуру и без того

стройной и гибкой, передёрнул ими и строго с каким-то укором глянул на девушку, вернул взгляд на часы.

Эти часы... Он их что, вытащил из его кармана? Но как? Ведь он даже не приближался к подонку? Мысли замельтешили роем. Фабиана ничего не понимала, во рту стало сухо, сердце всё ещё болезненно трепыхалось, а губы до сих пор пекло, напоминая бесстыдный поцелуй. «Всевидающая, что это вообще было?!». Разве она должна позволять такое? Девушка снова почувствовала на себе взгляд карих, почти чёрных глаз, заставлявших её напрячься до такой степени, что мышцы задеревенели, и Фабиана не выдержала, что-то лопнуло внутри — оттолкнувшись от стены, и девушка пустилась наутёк.

— А ну стой! — ударил в спину приказ.

Фабиана не остановилась, бежала как сумасшедшая со всех ног, ледяной страх толкал вперёд, но она даже не успела добежать до первого фонаря, как её обхватили поперёк туловища мужские сильные руки и оторвали от земли.

Фабиана взвилась и теперь уже закричала, пока её рот не запечатала ладонь в холодной коже перчатки, перекрывая звук, и девушка только неразборчиво промычала.

— Тиши ты, или всех тут хочешь собрать, чтобы в очередь встали? — шикнул раздражённо над ухом мужчина

Что? Кого собрать? Фабиана смолкла, и он освободил ей рот, но на этом не остановился. Незнакомец потащил её в другом направлении, проходя под аркой, куда убежал тот проходивец. Да что он себе позволяет?! Куда он её тащит?! Фабиана спотыкалась, едва поспевая за широким мужским шагом. Девушку охватила паника, когда она поняла, что он тянет её в эти омерзительные дворы. Постояльцы провожали их затуманенными хмелем взглядами. Но похититель не потащил в трактир, повернул к дороге, где стояла небольшая... карета? Фабиана пребывала в такой растерянности, что не поняла, как оказалась в сумрачной глубине повозки. Мужчина потеснил её и залез сам, закрыв за собой дверку. Девушка прижалась к стенке, стараясь отодвинуться как можно дальше. Теперь она оказалась заложницей того, кто выручил её — не попала ли она в более опасное положение, чем было с тем подонком? Если тот заявил сразу о своих желаниях, то от этого господина девушка не знала, чего и ждать.

Некоторое время Фабиана слушала своё шумное дыхание и грохот сердца, которое билось где-то в горле. Она опустила взгляд и всколыхнулась, быстро поправляя край подола, закрывая оголившееся колено.

Мужчина наградил её ледяным взглядом:

— Так ты вспомнила, как зовут того господина? — будто с издёвкой спросил он, щуря карие глаза.

— Я просто заблудилась. Мне нужно попасть в «Золотой пион», — выпалила на одном дыхании.

Мужчина в лёгком удивлении приподнял брови, кажется, это его изумило. В полумраке его черты с этим разлётом бровей, прямым носом и чуть пухлыми, но сомкнутыми в строгую линию губами были резче, приковывали внимание, неумолимо гипнотизировали.

— Ты не заблудилась, «Золотой пион» здесь, — мужчина кивнул в окно, — бордель, куда стремятся молодые девицы за лёгким заработком, тебе нужно туда?

Фабиана нахмурилась, глянула в окно и не поверила глазам. Постоялый двор оказался очередным притоном для гуляк, и на нём действительно было написано это название. Девушка моргнула, ничего не понимая. Выбираться отсюда ей расхотелось, даже несмотря на то, что она сидела в тесноте с незнакомым ей мужчиной.

— Или... постой, — огонь вспыхнул в его непомерно карих глазах. — Это был что, обман? — его тон изменился, в одночасье стал жёстким и холодным. — Это ваш план? Намеренно заблудилась и устроила этот спектакль, чтобы подцепить нового «клиента»?

Девушка захлопала ресницами, когда смысл его слов дошёл до неё.

— Я? Не-е-ет... я... — язык заплетался, Фабиана с досадой сжала губы, её затрясло. Неужели он думает, что она напрашивается к нему в... постель? Всевидящая, какой стыд! Ламмерт потянулся к ручке. — Нет! — вскрикнула Фабиана, останавливая его.

Он раздражённо стрельнул на неё глазами.

— Нет?

— Всё не так! Это какая-то ошибка... Мне нужно было всего лишь жильё... меня обманули. Ничего не понимаю, господин Мельвиль, он сказал, что есть хорошее место, и я...

— Мельвиль? — перебил мужчина, явно заинтересовываясь. Фабиана смолкла, чувствуя, как волнение подкатывает к горлу. Остаться на улице ночью — это самое ужасное, что с ней могло произойти. Молчание затянулось, мужчина о чём-то раздумывал. — Тебе совсем некуда пойти? — вдруг спросил он.

Фабиана мотнула головой, пробивший озноб заставил поёжиться — пережитое сказывалось.

— Как твоё имя? — спросил невольный спаситель, прожигая чёрными безднами.

Девушка помедлила с ответом. Стоит ли ему доверять и раскрыться? Если бы этот господин был из приличной семьи, он бы не посещал столь сомнительные, порочащие репутацию места. Пожалуй, не стоит.

— Мариса, — отозвалась Фабиана, понимая всю безысходность своего положения, и стало как-то омерзительно от себя самой, что ей приходится лгать.

Незнакомец сощурил глаза, кажется, не совсем ей поверив, но не стал ничего говорить. Оторвав от неё пристальный взгляд чуть повернулся.

— Домой! — приказал возникшему.

Домой? Но куда? Фабиана трепыхнулась, но карета уже тронулась, девушка неуклюже качнулась и, не удержав равновесие, плюхнулась на колени мужчины мягким местом.

— Ох, простите, — всколыхнулась Фабиана, подпрыгивая с колен, быстро пересаживаясь на сиденье. Мужчина одарил её таким ледяным укоризненным взглядом, будто она намеренно всё подстроила, что Фабиане захотелось провалиться сквозь землю.

— Сиди спокойно, я тебя не трону, если ты за это переживаешь, но если хочешь идти, могу остановить и высадить перед тем трактиром.

Фабиана притихла. Обратно она не хотела это правда, но и оказаться в чужом доме молодого господина — возмутительно для молодой леди.

Дорога оказалась долгой и изнуряющей, Фабиана только гадала, где мог жить этот милорд. Ристол — небольшой пригород Вальштора — раскинулся на юге королевства, именно туда повернул возникший, проехав по каменистой мостовой, въезжая в роскошную усадьбу, когда уже было далеко за полночь.

Карета остановилась. Господин Ламмерт, нисколько не задерживаясь, вышел наружу, хлопнул дверцей. Ждать учтивости с его стороны — сомнительная затея, учитывая, при каких обстоятельствах случилось их знакомство. Но одна польза всё же была — Фабиана смогла расслабиться и выдохнуть, понимая, как задеревенели мышцы в долгом напряжении, и заныла спина. Она вздрогнула, когда с другой стороны щёлкнул замок, и дверца рывком раскрылась.

— Ты предпочитаешь ночевать в карете или ждёшь особого приглашения? — Ламмерт был явно не в духе, поэтому Фабиана поспешно вышла, не дожидаясь, пока её попросят дважды.

Прохлада ночи отрезвила, Фабиана вдохнула глубже воздух, убеждаясь, что этот господин Хэварт Ламмерт оказался непростым. Повернулась к возвышающему высокими башнями к звёздному небу замку. В узких окнах на нижнем и верхнем ярусе горел огонь. Кажется, возвращения молодого мужчины ждали. Фабиана на миг задумалась. А что если у него семья? Дети? Стало совсем неловко.

Навстречу господину вышел мужчина в годах, но ещё не старик. «Управляющий», — поняла Фабиана, глядя на его белоснежные манжеты и туго завязанный у горла платок.

Он приостановил шаг, когда увидел незнакомую девушку. На чуть вытянутом суровом лице, скрываемом сумраком, скользнула хмурость. Оторвав от гостьи взгляд, он приблизился к своему молодому хозяину. Фабиана скромно осталась стоять чуть в стороне, робко обхватив свои плечи, оглядываясь по сторонам, пока мужчины переговаривались. Она только слышала обрывки слов:

— ...Не ворчи, Аскил, у меня был сегодня трудный день...

Да уж, Фабиане известно, насколько трудный — пропадать в борделях.

— Она будет помогать... Полностью в твоём распоряжении...

Тут Фабиана насторожилась — в каком таком распоряжении?

Дворецкий с мрачностью глянул на гостью уже более оценивающим взглядом, что у нее скулы свело от возмущения и не понимания.

— ...Девушка устала, выдели ей комнату Ронэ и напои чаем...

Ламмерт устало потёр виски, будто случайная знакомая его сейчас занимала больше всего. Управляющий бросил на девушку хмурый взор. Совести всё же кольнула, ведь она невольно нарушила спокойствие господина и теперь доставляла лишние хлопоты.

— ...Где Вит? — спросил вдруг Ламмерт у своего помощника, расправив плечи.

Вит? Кто это? Женщина? Фабиана наострила слух. Нехорошо подслушивать, но... закусил губу и продолжила ловить каждое долетевшее слово.

— ...Хорошо, я к нему...

Значит, всё же мужчина. Какой-то родственник? Отец? Брат? Фабиана облегчённо выдохнула, хотя почему это должно было её так волновать?

— Всё сделаю. А вам... может, что-то пожелаете, милорд, вы поздно вернулись... — не отпустил так просто управляющий.

— Нет. Лучше позаботься о ней, — бросил прохладно Ламмерт, но больше, скорее, от усталости.

Он направился к замку, даже не глянув в сторону девушки, оставив Фабиану наедине с управляющим. Это заставило невольно вытянуться по струнке.

— Пройдёмте, — сдержанным приглашающим жестом мужчина указал в сторону крыльца и, развернувшись на каблуках, направился к дому, уверенный в том, что гостья послушается.

Фабиана, переступив с ноги на ногу, всё же поплелась следом, утешая себя тем, что это всё временно. Главное — она нашла пристанище, и как только всё уложится, она сразу же отправится к брату. План, мягко сказать, так себе, но это только пока. Сейчас Фабиана слишком устала, замёрзла и сильно хочет спать. Она отдохнёт, наберётся сил и подумает обо всём случившемся хорошенько завтра.

Вошли в замок. Как и снаружи, внутри он был так же роскошен: большие комнаты, богатая деревянная мебель, узорные ковры, бархатные портьеры, попались даже пара статуй по пути. Но всё же чего-то здесь не хватало, было как-то пусто.

Управляющий, взяв канделябр со свечами, направился по коридору уверенно и бесшумно, Фабиана кожей чувствовала, что она здесь лишняя и доставляет огромные неудобства. По пути никто не встретился, даже когда поднялись на второй ярус замка, который отличался более скромной в плане украшательства обстановкой.

Аскил остановился перед одной из дверей, но помедлил и повернулся.

— Как ваше имя, миледи?

— Мариса, — уже не запинаясь, ответила.

Мужчина вкрадчиво сощурил серо-зелёные глаза, намереваясь спросить что-то ещё, но передумал.

— Это ваша комната, — открыл дверь. Фабиана оказалась в просторных, погружённых в бархатный полумрак покоях. Мужчина, оставив канделябр на столике с резными ножками, повернулся: — Сейчас я принесу чая.

— Спасибо, — поблагодарила, вежливо улыбнувшись.

Дворецкий кашлянул, кажется, растерявшись.

— В конце коридора находится купальня и всё остальное для ваших нужд, и остальные уборные комнаты, — пояснил он, будто ей было то неизвестно, но Фабиана прекрасно знала, как устроены знатные дома. Только зачем обижаться, она для них девица с улицы, ничего не смыслящая в приличных манерах.

— Аскил, — позвала Фабиана, когда тот вознамерился уходить. — Чай не нужен, — в ответ своим мыслям девушка зевнула. Оказавшись в безопасности, неумолимо потянуло в сон, хотелось просто лечь и утонуть в желанной неге.

— Как хотите, — отозвался мужчина.

Он удалился, оставляя Фабиану. Пройдя по комнате, ступая по узорному ковру, девушка скинула с себя пуловер, повесила на высокую резную спинку стула, стоящего возле туалетного столика с небольшим зеркалом. Комната явно предназначена для женщины. Ронэ...

Отражение во всех деталях показало, насколько устало выглядела Фабиана. Она торопливо пригладила светлые завитки у виска и шеи, поправляя сложную причёску, над которой всё утро корпела Кларисса. Вспомнив о доме, Фабиана тяжело вздохнула, но голубые глаза на бледном лице не наполнились грустью, напротив — горели, как две льдины. Память не вовремя подкинула воспоминание о поцелуе в том грязном захолустье. Требовательный и одновременно нежный, сухой и в то же время вожделенный. Щёки вспыхнули, Фабиана прижала ладони к лицу и отвернулась от зеркала. Нужно забыть это, вычеркнуть из памяти, завтра уже всё пройдёт, весь тот кошмар, пережитый сегодня, забудется, как страшный сон.

Фабиана на всякий случай заперла дверь, прислушиваясь. Всё было тихо. Расплела волосы и задержалась, чувствуя чужой будоражащий запах. Встрепенулась, быстро стянув верхнее платье, оставаясь в сорочке. Узел с драгоценностями и деньгами сразу спрятала под матрас. Легла на постель и едва не простонала от блаженства. Стопы зудели, в голове шумело, словно Фабиана была всё ещё на главной торговой площади.

Главное, что она далеко. Дядюшкин план провалился, по крайней мере, Фабиане удалось взять отсрочку. Разочарование снова давило, но Фабиана сбросила его. Она должна вырваться из расставленных сетей, а то, что случилось, будет уроком. Теперь она будет знать, что за маской благочестия могут скрываться самые грязные, чудовищные, корыстные желания и пороки. Хоть и избежала беды, но не факт, что в безопасности. Внутреннее чутьё подсказывало, что не стоит расслабляться.

Перед глазами внезапно возник пронзительный взгляд карих глаз, с напряжением наблюдавших за ней... По телу против воли растеклось тягучее тепло. Хэварт Ламмерт. Фабиана напряглась, вспоминая, слышала ли она о нём когда-либо, имя господина настойчиво крутилось в голове, но как бы ни старалась, не могла вспомнить. В пансионе ходило много разных слухов, но она не обращала внимания. А зря.

— Дурёха, — закусила губу в досаде и ударила кулаком по подушке.

Наверняка подруги и девушки не раз шептались о таинственном незнакомце из Ристола. И это его трюк с часами, и мягкость его губ, прохлада перчаток, аромат, который за время поездки в карете пропитался в кожу и волосы... долго не давал уснуть...

Глава 2

Хэварт

Хэварт развязал душивший его шейный платок и, отщипнув кусок недоеденного Витом пирога, прошёл к жерди, поставил ладонь Борту. Птица повертела головой и так склевала всё до крошки. Хэварт поворошил холку, старый ворон только захрипел в ответ. В кабинете Вита не оказалось, и Хэварт, с раздражением сорвав платок с шеи, бросил его на кресло и расстегнул ворот рубашки. Где его носит?

Окончательно потеряв расположения духа, мужчина взял бутылку и плеснул в бокал красной тягучей жидкости. Ветер со стороны утёса бил в окно, прямо под стать настроению. Год он не может найти покоя, спокойно спать, спокойно выезжать из этого замка, спокойно жить... Ещё эта девчонка... Хэварт много раз по пути пожалел, что не отпустил её, пусть бы бежала, куда хотела, но стоило только подумать, в какую скверную неприятность эта пугливая птичка могла угодить...

Хэварт прищурился на тлеющие в камине угли. Он бы мог её посадить где-то по дороге в более пристойном месте, но не сделал этого. Откуда она вообще взялась? Она не похожа на шлюху, таких особ видно издали. Сомнение пронизали шипами. Что если это всё спектакль, который разыграли его враги, чтобы подобраться ближе? Хэварт фыркнул. Чушь. Он уже ничего не понимал, перестал доверять всем. Стянул перчатку, задержал взгляд на кисти, испещрённой уродливыми бороздами.

Ему больше нельзя ошибаться, нельзя оступаться. Но с него хватит, ошибки не будет — Хэварт был уверен в этом. Он больше не позволит управлять собой, быть пешкой в чужой игре. Никогда больше не пойдёт на преступление. Ради этого он оставил всё своё имущество и уехал с младшим братом в немыслимую глушь — дедово родовое поместье. Только отголоски прошлого настигали, как собственная тень, и он в который раз не мог остаться дома. Не так легко оторвать прошлое от себя, нужно время. Но Хэварт готов был терпеть, готов был ждать. В который раз не мог перебороть этот неуёмный внутренний вихрь. Скверная черта, скверный нрав, как и твердил ему отец... Отвращение к самому себе изъедало, как падальщики кости. Хэварт пронизал волосы пятернёй и шумно вдохнул, уходя от мрачных мыслей. Теперь всё будет по-другому.

Борт заклокотал, будто насмехаясь над своим хозяином.

— Не веришь? Вот увидишь — всё изменится. — Хэварт подхватил бокал и сделал жадный глоток. Борт недовольно встрепенулся изрядно помятыми крыльями. — Где же носит этого поганца? — Хэварт поставил бокал на каминную полку, намереваясь отправить Аскила на розыски брата, но тут взгляд упал на запечатанный конверт.

Хэварт взял его в руки, повертел, ища печать, но нашёл лишь небольшую подпись: «Милорду Ламмерту Старшему». Хэварт нахмурился. Странно, Аскил ничего не говорил о том, что ему пришло послание. Поразмыслив, вскрыл конверт, извлекая желтоватый свёрток бумаги. Взгляд пробежался по ровным строчкам аккуратного почерка:

«У тебя есть время до новолуния, чтобы достать одну ценную вещь, иначе с Витларом эрн Ламмертом ты больше не встретишься. Тебе ведь дорог твой неугомонный братец? Если откажешься, его браслеты будут сняты, а через пару часов он умрёт. Жди распоряжений».

Сердце ударилось о рёбра камнем. Ублюдки! Внутренняя дрожь прошла по телу магмой, оседая тяжестью в руках и ногах, делая их стальными, в глазах сгустилась тьма, горло сдавило спазмом, и Хэварт не мог вздохнуть, падая в чёрную бездну ярости. Он медленно поднял голову, смотря в окно, резко развернулся и прошёл к двери. Этого не может быть! Как?! Как они проникли через магическую защиту в замок?! Бешенство с помесью гадкого чувства отчаяния затопляло разум.

— Аскил! — гаркнул, и его голос раздался эхом по коридору, призывая управляющего.

Взъерошенный, вернулся в кабинет, грудь разрывало от жара и паники. «Вита украли, взяли в заложники». Бездна! Осознание этого ударило, словно раскат грома. Хэварт даже не предполагал, что такое может случиться, он учёл всё до мельчайшей детали, но всё равно промахнулся. Промахнулся, проклятье!

— Вы звали, милорд...

Хэварт повернулся к управляющему. Аскил служит уже много лет его семье, сначала его с Витларом родителям, а потом и наследникам. Хэварт доверял ему как самому близкому человеку, словно тот был ему родственник.

На лице мужчины при виде старшего Ламмерта отразилось беспокойство.

— Ты говорил, что Вит был здесь, когда ты его видел?

— Что-то случилось?

— Аскил, ответь, когда ты его видел.

— Четверть час назад, милорд. Так что случилось? — начал всерьёз волноваться управляющий, так что на морщинистом лбу проступила испарина.

— Его похитили, — сунул мужчине в руки письмо.

Аскил в недоумении посмотрел на Хэварта и опустил взгляд. По мере прочтения его лицо менялось, стало бледным и вытянутым, будто все мышцы лишились силы.

— Но как, я ничего не заметил такого, милорд. Этого не может быть. Не проделки ли само милорда Витлара? С него станется...

Хэварт отвернулся, пронизав пальцами волосы, оттянув пряди, причиняя себе боль. Да, Виту могла от скуки взбрести всякая чушь в голову, но вряд ли он станет шутить по этому поводу и окончательно рушить и без того шаткое терпение Хэварта.

— Вряд ли, Аскил, — Хэварт вернулся к управляющему и забрал послание.

— Кто эти люди, милорд? Что они хотят? — с долей тревоги спросил Аскил.

«Хотят, чтобы он пошёл на кражу, вот что!» — вспыхнула ярость, но Хэварт промолчал. Аскил не всё знал о жизни старшего Ламмерта, когда тот находился за границей.

— Иди, проверь всё, обойди весь замок, все потайные ходы, а я посмотрю снаружи, нужно найти пробоину, где посторонние смогли проникнуть внутрь.

Управляющий твёрдо кивнул, судорожно промокнув лоб карманным платком, и быстрым шагом покинул комнату. Хэварт ещё раз взглянул на письмо, сорвал с запястья браслет, сдерживающий магию, провёл ладонью по свёртку. Ничего. Никакой магии, ни следа. Стиснул до ломоты зубы. О том, что этот заказчик достаточно сильный, чтобы пройти щит и не затронуть его, Хэварт не сомневался. Удушающее бессилие сжало горло мёртвой хваткой. Хэварт снова попался, как щенок...

...Выйдя на внутренний двор, мужчина обошёл его и поднялся на каменную стену со стороны высоченного утёса, на котором стоял замок. Зеленоватое свечение, исходившее от ладони, подсвечивало путь, касаясь невидимого щита. Хэварт проверил каждую башню, каждый закоулок. Ничего. Всё чисто. Никаких пробоин. Он спускался по каменной лестнице и тут-то и вспомнил... Та незнакомка, как она там себя назвала... Мариса?

Хэварт широким быстрым шагом вернулся в замок, вбежал на второй ярус, оказавшись в коридоре, приблизившись к комнате своей бабки, сжал кулак, поднял руку и замер. Она, наверное, уже крепко спит — прорывалось здравомыслие. Если бы эта девчонка была причастна к заговору, разве она не попыталась бы сбежать? Но тут же Хэварт вспомнил, как яростно она отбивалась, как прожигала стылым льдом своих глаз, она хотела ускользнуть, манипулируя мужскими инстинктами поймать её. План сработал.

Всё это неслучайно. Неслучайно, что она появилась именно в тот момент, когда он вышел из душного трактира подышать воздухом. Привлекла его внимание, притворившись невинной фиалкой. Хэварт презрительно фыркнул, как легко он поддался её уловке про Мельвиля и

поиск жилья. Как мальчишка! Хэварт оскалился, приступ ярости на собственную слабость, сыгравшую с ним злую шутку, оглушил, разгоняя по телу жар и лихорадочную дрожь. Так или иначе, он сейчас же вытрясет из неё, кто она такая и как оказалась у «Золотого пиона» именно в тот момент, когда Вита похищали. И пусть только попробует солгать!

Хэварт толкнул дверь. Та не открылась, но на второй удар, приправленный магией, распахнулась. Пара шагов — и он оказался возле кровати, сдёрнул рывком одеяло и отшвырнул его прочь. Девушка спросонья ничего не поняла, испуганно охнула, а разглядев в свете догоравшей свечи хозяина, встrepенулась, закрываясь руками, и шарахнулась прочь, но Хэварт успел поймать её за ногу, перехватив тонкую щиколотку. Плохо управляемая магия обвила девичью лодыжку, перепугав изрядно её хозяйку.

— Отпустите! — взвизгнула она, цепляясь за матрас, переворачивая его вместе с собой, когда Хэварт сгрёб всё же гостью с постели, обхватил её за плечи и хорошенько встряхнул, так что светлые волосы опутали лицо.

— Сейчас же говори, кто ты такая? И попробуй только солгать, пожалеешь! — прорычал ей в лицо, сдавив тонкую шею.

Девушка ошеломлённо заморгала, раскрыв свои нежные губы.

— Вы... вы сумасшедший, вы меня сейчас задушите, — процедила сквозь зубы, вцепившись в руку мужчины.

— Именно это я и сделаю, если не признаешься, откуда ты и кто тебя послал?

Милое личико птички изменилось, сделалось каменным, а взгляд уничтожающим, полным ледяной надменности. Пожалуй, ни одна молодая блудница не могла обладать подобной выдержкой, скольких таковых Хэварт не знал. Сколь же умело она играла.

— Кто тебя послал, отвечай?

— Никто меня не посылал, да уберите же от меня свои руки! — начала злиться птичка, вырываясь.

Хэварт усмехнулся, и эта его улыбка явно была недоброй, ярость так и сочилась через край. Его ей не провести его, пусть не надеется. Но улыбка вмиг сползла, когда в момент борьбы в кристально-голубых глазах сверкнули слёзы. Он разжал пальцы, осознавая, что изрядно напугал незнакомку, причинив боль. Отступил, позволяя ей отдышаться. Злость на самого себя сжала в тиски.

— Потрудишься ответить, — бросил мрачно, видя, как девушку проняла мелкая дрожь, как тряслись ее пальцы, когда она пыталась смахнуть с лица волосы, вынуждая его чувствовать за собой вину. Но он не должен чувствовать, ему грозят расправиться с Витом, если он не...

— Я вам, кажется, всё уже рассказала, или вы плохо меня слушали? Меня зовут Мариса, Мариса Диос, я простая горничная, потеряла работу и крышу над головой. Я искала ночлег, и меня... отправили... не туда... — сбивчиво заговорила она хоть и сердитым, но надрывно, сдавленным голосом.

Хэварт, выслушав её, нахмурился, кажется, она говорила искренне, ведь он знал горечь обмана, испытав на своей шкуре яд предательства. Но больше никому не удастся его заманить и мучить, чтобы разрушить, сколь бы по-детски невинным ни было её личико и широко распахнутые глаза.

— Где твои родные?

Мариса сглотнула.

— Они далеко в Талвиге, если вам известно, он находится на севере королевства... Мои родители бедняки, я не хотела их расстраивать, что потеряла работу...

— Муж, дети?

Непонимание отразилось на лице девушки, но тут же она замотала головой.

— Нет, господин, я одна. — Смутный рассказ. Какой бы искренней и ранимой она ни казалась, он всё равно чуял ложь, если не всё, что она говорила, то часть. — Меня никто не посылал, клянусь, я случайно оказалась в том месте... — девушка запнулась.

И тут Хэварт почувствовал за пеленой ярости и того урагана, что творился у него внутри, холод в ладонях. Знакомый холод.

Мариса насторожилась и дёрнулась, когда Хэварт шагнул к постели, оглядел царивший беспорядок и рывком откинул сбившийся матрас. Девушка, спохватившись, кинулась к тайнику, но поздно — Хэварт уже успел взять спрятанный узел. Там явно было что-то ценное.

— Не трогайте, это моё! — отчаянно затрепыхалась девушка, пытаясь отнять находку. — Вы не имеете права! Отдайте! Немедленно! Верните!

Хэварту было противно от самого себя, от того, что он сейчас делал, паскудней он себя ещё никогда не чувствовал, даже когда шёл на преступление, но почему-то сейчас испытывал муки совести. Но на кону была жизнь брата, и он не мог иначе. Не обращая внимания на бессмысленные попытки Марисы отнять находку, развязал ткань. На постель водопадом посыпались золотые монеты, драгоценные камни, украшения, какие-то бумаги. Целое состояние. Он с мрачностью глянул на притихшую девушку, по её лицу текли блестящие слёзы. Проклятие, у неё было такое лицо, будто он её чести сейчас лишил, хотя откуда у горничной, искавшей место в борделе, она могла быть?

— Откуда это у тебя Мариса, у простой горничной? Ты украла и сбежала, а теперь прячешься? — Девушка содрогнулась, услышав предположения мужчины, вскинула руку к лицу. Бездна, ну не ударил же он её на самом деле. Что за игра? — Отвечай, — неуклонно потребовал, сжав кулаки, усилием подавив подкат магии, что роднился с теми металлами, из которых были сделаны драгоценности.

Девушка раскрыла губы, чтобы говорить, её грудь под тонкой с глубоким вырезом сорочкой вздымалась в неровном дыхании. Хэварт непроизвольно скользнул по проступающим вершинкам и сухо сглотнул, возвращая взгляд на побледневшее лицо Марисы. Только поздно, приток жара хлынул к паху, пробуждая в теле не самые благочестивые желания. Следовало ожидать после полугодовалого затворничества в замке. Это разозлило ещё больше, пора заканчивать со всей этой путаницей.

Хэварт медленно приблизился, навис скальной глыбой над сжавшейся девушкой, которая усилием воли осталась стоять на месте. Храбрая, маленькая, с хрупкими плечами и чистой белой кожей. Всё это происки врагов, они тщательно всё подобрали, хотя эта неженка вовсе не в его вкусе.

Мариса посмотрела куда-то в область ключицы мужчины и облизнула губы, столь порочно и невинно, что естество непроизвольно налилось свинцом, натянув ткань штанов. Хэварт смотрел в её холодные родники глаз, пытаясь выискать хоть долю притворства и фальшь, но нет, он готов был поверить в её незыблемую чистоту. Кто же она такая? Умелая магичка, искусно окручивающая и соблазняющая высшую знать? Или бедная горничная, потерявшая работу? Тогда откуда у неё всё это барахло?

— Откуда? — вкрадчиво спросил в который раз, нарушая это дикое напряжение, ловля себя на мысли, что на грани, и его терпение скоро лопнет.

Мариса торопливо стёрла ладошкой сорвавшуюся с ресниц слезу, затравленно глянула на него. Коварная лгунья.

— Это... — начала девушка, загнанная в ловушку, и Хэварт кожей чувствовал, как она копается в своей светлой головке, подыскивая нужное оправдание.

— Милорд! — раздался с лестницы голос Аскила, заставляя девушку смолкнуть и вздрогнуть. — Милорд, — появился чуть запыхавшийся мужчина в дверях. — Госпожа Игнэс эрн Ларси у ворот замка с визитом к вам.

Хэварт не сразу понял слова управляющего. Аскил, увидев Марису в одной ночной рубаше, виновато опустил взгляд и отступил за порог. Выдохнув, Хэварт смерил девушку тяжёлым взглядом, пребывая в полном замешательстве. Игнэс здесь? Только её не хватало!

— Ты ей не сказал, чтобы она убиралась?

— Миледи настаивает, у неё сильная мигрень, ей нужна помощь, господин.

Аскил явно переживал, и Хэварту не мешало бы смиростивиться над стариком. Разберётся сам. Что ж, на Игнэс это похоже — застать врасплох.

— Нет! — вскрикнула Мариса, когда Хэварт подхватил с постели бумаги.

— Продолжим разговор позже, — бросил он остолбеневшей девушке, направился к выходу, запирая за собой дверь.

Выйдя в коридор, сунул свёртки во внутренний карман жакета. Он изучит бумаги чуть позже и узнает, кто она. Блудница. Воровка. Или подосланная.

— Её карета у ворот, — подступил Аскил, напоминая о неожиданной гостье.

— Ты что-то нашёл? — спросил о более важном, хотя визит бывшей... подруги окончательно добил.

— Ничего, милорд, никаких признаков взлома. Кухарка и привратник ничего такого не заметили. Я понятия не имею, как они прокрались, я был в замке весь вечер и ничего не слышал.

— Они не пользовались дверью, Аскил, — хотелось уже послать управляющего встретить ночную гостью, а лучше отправить её назад, откуда приехала. Они расстались, и, кажется, он дал ей понять, чтобы она убиралась навсегда. Внутри заскребла гнилыми когтями тоска, всё-таки это до сих пор его цепляло. — Следи за Марисой, никуда её не выпускай из замка, пусть есть щит, но её нужно ещё проверить. И заодно приготовь... — Хэварт обречённо вздохнул, всё же как бы он ни был в бешенстве, а прогнать женщину ночью ему не позволяло воспитание, — ...приготовь ещё одну комнату. Как можно подальше от моей. Завтра леди уедет.

— Понял, милорд.

Кровь после напряжённого разговора всё ещё кипела и неистово бурлила в венах, мысли путались.

День явно не задался. От одной мысли, что Вит в руках негодяев, Хэварта прошибал холодный пот, в груди всё клокотало. Кто эти люди? Знать бы. И как бы Вит не натворил глупостей. Младший брат ещё слишком юн. Даже несмотря на то, что с недавних пор совершеннолетний, он был по-прежнему для Хэварта мальчишкой, излюбленным светским обществом. Оказавшись в Ристоле, брат на стены лез от безделья и одиночества. Это Хэварт во всём виноват — приказал ему сидеть в замке, а сам нарушил это правило и, как только закончил дела по оформлению многочисленных документов по поводу его приезда в столицу, отправился в трактир. Эту привычку оказалось не так просто искоренить, но он должен знать, кто на сегодняшний день заправляет всеми тёмными делами в Вальшторе. Так ему спокойней отсиживаться.

И поплатился. Если бы он был в замке, то...

Хэварт, снимая магический щит, приказал привратнику раскрыть ворота. Во двор въехала карета, запряжённая в двойку лошадей. Недурно. Интересно, это её возлюбленный так щедро одарил?

Открыл дверку, выхватывая в полумраке стройный силуэт девушки, белое лицо роковой красоты, глубокую обольстительную улыбку. Игнэс изящно подала руку, вложив в его ладонь тонкие ровные пальчики в кружевной перчатке, унизанные перстнями. Хэварт помнил, какими ласковыми они могут быть. Он невольно сжал кисть жёстче и грубо дёрнул из кареты, потопливая.

— А ты не изменяешь себе, Хэви, всё такой же пылкий, неутолимый, так соскучился по мне, милый? — невозмутимо встряхнула своими роскошными каштановыми волосами, смотря из-под припущенных ресниц на губы мужчины.

— Что ты здесь забыла? — процедил сквозь зубы, одёрнув от себя тонкое запястье.

«Не хочу её видеть и слышать», — отвращение подкатило к горлу. Хэварт хорошо помнил о том, как её улыбка заставляет путаться мысли, но это было раньше, до того, как она предпочла другого... Водила на поводке и ударила тогда, когда он был не готов, почти причинила боль, когда он почти потерял себя. Но его глаза открылись, ей не удастся приручить его вновь.

— На больную ты не похожа.

— А я безумно соскучилась, — проигнорировала его слова, ответила приглушённо, чуть хрипло, как она умела. В серебристых глазах сверкнуло что-то такое, чего Хэварт никогда не замечал в ней раньше, убеждённый в том, что в этой кукле нет души. Игнэс, пользуясь его минутным раздумьем, внезапно прильнула к нему всем телом, прижав одну ладонь к животу, другую к паху. — Ого, ты такой возбуждённый... — прошептала сладко.

Пусть не обольщается, это не её заслуга.

— Ты зря приехала.

Игнэс тихо засмеялась, отводя взгляд, прикусывая аппетитную нижнюю губу.

— Злишься на меня? Я исправлюсь Хэварт, — нахмурила идеально очерченные брови, — я виновата. Я, дура, не ценила того, что у меня было.

— Ты настолько самоуверенна?

Пусть оставит своё раскаяние при себе. Хотелось это сказать, но Хэварт передумал, теперь он будет играть. Но всё же что случилось такого, что она оставила золотой мешок, на который посадила свою упругую попку? Впрочем, ему всё равно.

— Тебе ведь это всегда нравилось, — снова понизила до полужёпота мелодичный голос, от которого раньше у него мурашки по телу шли. Хэварт усмехнулся: манипулировать другими с помощью своего голоса, жестов, тела распутница всегда умела знатно.

— Неужели во всём Вальшторе некому тебя пригреть? — с долей издёвки спросил, возвращая на неё взгляд.

— Есть, — призналась Игнэс, — но я выбрала тебя.

— Это должно мне польстить? Довольно пустых разговоров, Игнэс, у меня был тяжёлый день и важные дела, — сказал Хэварт, наблюдая, как из замка вышел Аскил. Очень вовремя. — Тебя проводят, но завтра утром будь добра покинь Ристол. Доброй ночи, Игнэс.

— Постой, ты даже не поцелуешь меня? Мы ведь не виделись так долго, целую вечность! — Хэварт промолчал и, отвернувшись, пошёл к замку, потому что его чувств к ней больше не существовало. — Хэварт! — окликнула, — я так долго ехала к тебе. Везде жандармы, не пробиться, пришлось объезжать главные дороги, долго ждать у въездов. Ты в курсе, что случилось? Говорят, кого-то ищут.

Хэварт чуть приостановился, что-то такое он слышал сегодня, но не обратил внимание. Власти всегда что-то вынюхивают. Он проехал в Ристол без проблем. Или Игнэс опять хочет его задержать? Продолжил путь, чувствуя спиной ядовитое раздражение бывшей любовницы.

Закрыв щит, Хэварт вернулся в замок и первым делом отправился в покои Витлара. Он не сомневался, что там царил беспорядок. Вит, привыкшей к тому, что его комнату убирают, ленился даже заправлять за собой постель, Аскил ещё не успел прибраться в комнате молодого лорда — Хэварт возложил на старика слишком много. Пройдя по комнате, не обнаружил ничего необычного, только книги — Вит последнее время много читал, таким образом развлекая себя. В остальном всё осталось на месте и с самого утра нетронутым. Раздирало на части от неизвестности. Куда его увезли? Где держат? Хэварт чувствовал, как под ним разверзается пропасть.

Вернувшись в кабинет, прошёл к столу, гипнотизируя взглядом послание, лежавшее на камине, стянул с себя жакет, глянул на портрет, висевший над камином, и задержался. По приезде в Ристол он велел снять все портреты, чтобы в случае чего не вызывать ни у кого вопросов, но один оставил — отца. С картины будто смотрел он сам — Хэварт: как две капли воды с молодым отцом. Ойген — дед Хэварта — в замок которого он переехал, отчаянно любил своего сына, прожил до глубокой старости, пока его жена Ронэ не скончалась. Дед был без неё недолго, их любовь оказалась нерушимой, глубокой, такой сейчас, когда людьми правит власть и роскошь, уже не существовало. Ойген не перенёс тоску и ушёл за своей Ронэ...

У отца же сложилась иная судьба. Свою мать Хэварт не знал и считал ею вторую жену родителя, которую тот взял, едва парню исполнилось четыре, а Витлару всего год. Даже несмотря на то, что первая родила Норберту двух сыновей, говорить о ней отец отказывал и злился, когда Хэварт пытался что-то узнать о ней. Хотя Хэварт не сильно к тому и стремился, его всё устраивало в жизни. Просто иногда не понимал отца. Тот всегда отличался холодностью и неприступностью, скала, до которой порой было не дотянуться.

Если бы отец был бы жив, узнай он о жизни Хэварта — живого места на нём не оставил бы, и это в лучшем случае, в худшем — отрёкся бы от сына. Отец умер от сердечной недостаточности в том самом возрасте, когда был полон сил, зрелости и мощи. Что могло это спровоцировать, Хэварт так и не узнал, но Аскил предполагал, что его убила какая-то новость.

Старик был со своими странностями...

Мать Хэварт оставил в родовом замке, а сам с младшим братом уехал в Гофрит. За границей о его магии знали многие, в частности — те люди, которые не дали распространиться слухам о нём. А потом пришёл первый заказчик... Тогда Хэварт не понимал, что с ним творилось и в какую яму он угодил, он просто хотел избавиться от чувства потерянности. А высокое положение и значимость в других глаза пьянила. Пока Хэварт однажды в холодный осенний вечер не понял, что больше не может так жить. Что от отвращения к самому себе он готов был в петлю лезть, что почти уничтожил свою душу в погоне за тщеславием.

Пришло время с этим завязывать...

Он развернулся, отрывая взгляд от портрета, и вернулся к столу, тяжело рухнул в мягкое кресло.

Борт всполошился. Старый ворон живёт в семье Ламмертов уже двадцать пять лет и успел побывать везде, переезжая вместе с хозяевами.

— Ты ведь всё видел, да? Скажи кто они? Кто забрал Вита? — кажется, Хэварт только сейчас в полной мере ощутил всю серьёзность и безысходность ситуации. Что если они не отпустят Витлара?

Ворон глянул на хозяина блестящим чёрным глазом и встряхнулся, решая, что Хэварт окончательно рехнулся, разговаривая с самим собой. Он вымотан, выжат до капли. Поставив локти на стол, ткнулся лбом в сцепленные в замок пальцы. Витлар единственный, кто дорог ему по-настоящему. Больше у Хэварта никого нет.

Желчь вины подкатила к горлу. Не оградил, не смог. Кто бы это ни был, всё равно добрались бы до него рано или поздно. Как бы ни пытался Хэварт скрыться, достали бы его везде, заставили вернуться к прежнему. У него нет выбора, как он считал изначально, его давно отняли. Магия убьёт Вита без сдерживающих артефактов, убьёт раньше, чем его предупредили. Хэварт знал, Витлар слишком молод, чтобы справиться с даром, и Хэварт не мог оставить эти браслеты больше, чем на час. Дар, который стал их проклятием.

— Ненавижу, — сцепил зубы, сжав кулаки, чувствуя, как давит плита безысходности, — ненавижу это всё, себя ненавижу, — прорычал Хэварт, шарахнув кулаком по столу.

Борт испуганно каркнул.

В глазах потемнело, в виске застучала кровь, сердце бухало тяжёлыми ударами. С шумом втянул в себя воздух. Вот он и попался на крючок, и самое скверное, что в Вальшторе у него

нет защиты, людей, которые могли бы помочь, хоть он никому не доверял, но сейчас пошёл бы против своих принципов. Теперь только ждать. Ждать распоряжений. Хэварт стянул перчатки, швырнул их на край стола. Нахмурился, когда перед глазами вдруг появилось невинное личико Марисы, испуганный взгляд в ореоле изогнутых ресниц, с мерцающими светлыми волнами волос, спадающих на плечи девушки.

Хэварт вспомнив о главном, потянулся к жакету, извлекая свёртки бумаг, которые он забрал у неё. При близком рассмотрении оказалось, что это документы, подтверждающие личность. Почему-то ему не хотелось думать, что она воровка. Такая же, как он. Развернул документ. Сердце замедлило ход и рухнуло куда-то в пропасть, когда он прочёл инициалы.

«Фабиана эрн О-Лидэр».

Всё стало понятным. Ему известно об этой семье, он слышал о племяннице господина Витора из благочестивого богатого рода О-Лидэр, кажется, она пребывала в пансионе, и, наверное, недавно вернулась и ведёт чуть ли не монашеский образ жизни. А эта девушка оказалась воровкой, устроившись к молодой госпоже горничной. Значит, всё же обокрала и сбежала с ценными вещами, прихватив и документы. Никакая не подосланная. Беспричинная злость вспыхнула вулканом вместе с чувством вины, что заставил её вывернуться наизнанку.

Но почему-то горечь разочарования разлилась по горлу. Он почти поверил в её безвинность и целомудрие.

Хэварт отшвырнул от себя бумагу и откинулся на спинку кресла, сжимая подлокотники, удерживая себя, чтобы не вернуться в покои и не вышвырнуть её вон. Продолжал сидеть на месте и некстати вспомнил, как поцеловал её в той подворотне. Отчётливо вспомнил её сладкие губы, так нежно отзывавшиеся на его требование...

Хэварт закаменел, чувствуя, как волна жара проходит через тело, наливая мышцы напряжением, вынуждая задержать в груди воздух. Что-то внутри воспротивилось решению прогнать её. Нет, он точно сошёл с ума, но она чем-то его зацепила, даже несмотря на порушенную репутацию, что-то было в ней незапятнанное, светлое, но порочное, тайное. То, в чём он сейчас так нуждался. Эта фиалка посреди той грязи, в которой купался Хэварт, влекущая, трогательная голубоглазая, незаметно пустила в нем свои ростки. И Хэварту это крайне не понравилось.

Глава 3

Фабиана

Этой ночью Фабиана так и не смогла уснуть, пристально смотря на дверь, не в силах опраться, ожидая, что хозяин Ристола ворвётся в очередной раз в комнату и потребует убраться из замка и отправится в усадьбу О-Лидэр прямо в руки дядюшки, ведь теперь он её разоблачил.

«Откуда это у тебя, Мариса, у простой горничной? Ты выкрала и сбежала, а теперь прячешься?» — отзывались слова болезненной дрожью во всём теле.

Теперь он знает, что она беглая невеста. Это единственная причина, по которой он ворвался к ней и с угрозами требовал признаться? Но почему его это так разозлило? Фабиана не понимала. Она бы ещё могла упираться и отговариваться, придумывать небылицы, если бы он не забрал её документы. Несколько раз она порывалась отправиться к нему и просить, чтобы он не выдавал её. Честно во всём признаться, что она действительно не та, за кого себя выдаёт, плакать и умолять не сдавать её. Фабиана нервно усмехнулась. Какое ему дело до её бед? Зачем ему рисковать и вступать в конфликт с Витором, который состоял в высшем сословии? Хотя, по всему видно, Хэварт Ламмерт не менее влиятелен. Он из высокого рода, и об этом говорила его выдержка, манеры, этот замок. Фабиана обвела взглядом покои. На стены постепенно напал рассвет, холодный и колючий. Она поёжилась.

Громкий стук в дверь заставил подскочить в постели, ожидать, что дверь вновь распахнётся и в комнату влетит хозяин замка. Но ничего не происходило, лишь kloкотало сердце в груди от испуга и неожиданности.

— Доброе утро, Мариса, — раздался по ту сторону голос управляющего, — вы встали? Милорд желает вас видеть, будьте добры собраться и спуститься вниз. Буду ожидать вас.

Фабиана сглотнула. Это крах.

— Спасибо, Аскил, я сейчас спущусь, — всё же отозвалась она, давая знать, что её не нужно приглашать дважды.

Фабиана глянула в окно, в котором сияло голубое безбрежное небо. Откинув одеяло, соскользнула с постели и медленно прошла к шкафу босыми ногами по мягкому ковру.

— Всевидящая, что же сейчас будет? — заскулила.

Надев платье, путаясь пальцами в шнуровке корсажа, кое-как стянула его, собрала изрядно спутанные волосы, закрутила в пучок, закалывая шпильками. Посмотрела в зеркало. Бессонная ночь сказалась: Фабиана выглядела сонной и не отдохнувшей, немного припухшие веки и примятое платье не добавляли привлекательности, но ей ли сейчас прихорашиваться, когда её может настигнуть то, от чего она убегает?

Она будет просить не выдавать её родственнику, по крайней мере, попытается. Только внутри всё опускалось, стоило только представить, что окажется перед милордом, под его пронзительным взглядом чёрных глаз.

Вдохнув глубоко-глубоко, Фабиана вышла из покоев и пошла по коридору. Спустилась вниз, как и было велено. Аскил встретил девушку в дверях и сухим жестом указал идти за ним. Молчаливый, суровый, как скала.

Фабиана за диким волнением даже не смогла осмотреться как следует, ведь в Ристоле она всего лишь ночь, но уже успела понять, что замок пустовал. Выйдя в правую его часть, минув малый зал, они оказались перед мощной дверью. Аскил отпер её и взглядом попросил зайти. Фабиана на онемевших ногах вошла внутрь залитого солнцем помещения, стараясь держать уверенную осанку — теперь ей незачем притворяться.

Взгляд сразу упёрся в портрет в позолоченной раме, с которого на неё смотрели гипнотизирующие карие глаза Хэварта.

Сам Ламмерт восседал в кресле, склонившись над какими-то бумагами, кажется, утренней почтой. Милорд выглядел безупречно. В белой рубашке, застёгнутой на манжетах и вороте до последней пуговицы. Волосы, разделённые на прямой пробор, были чуть влажные, будто он недавно принимал ванну, и падали блестящими чёрными прядями на гладкий лоб. В отличие от Фабианы, он выглядел расслабленно и даже безмятежно, оставалось только любоваться его холёной привлекательностью, подчёркнутой холодным благородством и — и насколько Фабиана ни была нравственно воспитанной — чувственностью. Девушка поняла, что он разительно отличался от того, кто вчера за неё заступался. И не подумать, что этот господин, величественно восседавший в кресле, может посещать столь сомнительные заведения и драться до крови. Аристократ чистой воды.

Росчерки его бровей выразительно сошлись на переносице, будто он подумал или почувствовал что-то плохое, и поднял взгляд, отрываясь от чтения, удостоив, наконец, ожидавшую девушку своим вниманием.

Фабиана сглотнула сухой ком, поняв, что её уверенность безысходно тает, явственно почувствовав себя в клетке с хищником. От тягучего взгляда занемело в животе, так что сразу захотелось убежать. Но лучшая защита — это нападение.

— Я...

— Ты остаёшься здесь, — перебил Хэварт Ламмерт, едва она раскрыла рот, потеряв терпение.

— Здесь? — удивилась Фабиана.

— Ты не ослышалась, — подтвердил Ламмерт, — тебе ведь нужна работа, жильё? Разве не это ты вчера утверждала?

— Да-а-а, — протянула, сжимая похолодевшие пальцы, чувствуя кожей неладное.

Хэварт шумно выдохнул и отложил почту в сторону, придвинув на край стола какой-то ящик, который Фабиана поначалу и не заметила.

— Это должно тебе подойти, — сказал он.

— Подойти? — переспросила.

Ламмерт положил локти на стол, сцепив пальцы в замок, широкие плечи под белоснежной рубашкой заметно напряглись. На руках мужчины опять были чёрные перчатки. По телу пробежался холодок, когда Фабиана вспомнила, что с его руками было что-то не то, но отогнала эти мысли.

— Забирай, смелее, — поторопил он, расслабленно откидываясь на спинку кресла.

Фабиана, окончательно сбита с толку, несмело прошла к столу, чувствуя, как тело тяжелеет, а руки пронимает дрожь. Здесь явно какой-то подвох. Разве он сейчас не должен её запелить в одной из комнат и устроить допрос? А потом послать за опекуном?

Мужчина отвлечённо посмотрел в окно, снова глубоко над чем-то задумавшись.

Фабиана опасливо заглянула в коробку. В ней были какие-то вещи.

— Что это? — настороженно взяла пальчиками лежавший сверху свёрток.

— Твоя рабочая одежда, — Ламмерт повернулся, когда Фабиана вытянула женский чулок из тонкой мягкой шерсти.

К щекам прилил жар стыда и возмущения, предательски покраснели не только щёки, но даже кончики ушей. Фабиана торопливо бросила чулок назад, одёргивая руку.

— Тебя что-то не устраивает, Мариса? — приподнял мужчина бровь, на которую так соблазнительно соскользнула тёмная прядь чёлки. Почему он вообще назвал её ненастоящим именем?

— И что же это за работа? — поморщилась Фабиана — в голову полезли самые дурные мысли.

— Для тебя не составит труда, — вдруг улыбнулся милорд, и она дышать престала от того, как изменилось лицо мужчины: до неузнаваемости сделалось добрым и светлым, по-маль-

чишечьи озорным, с горящими хитростью глазами. Он насмехается над ней? Или всерьёз? Похоже, испытывает.

— Позвольте всё же уточнить, — потребовала она, злясь на себя, что поддалась на эту уловку.

— Видишь ли... — будто позабыв о своих тягостных думах, Ламмерт прищурил взгляд, — ...в замок нужна помощница, ты как разходишь. Я уверен, ты хорошо справляешься, — улыбнулся он шире, ввергая Фабиану в полную растерянность.

— И вас ничего не смущает? — спросила, изогнув изумлённо бровь.

Может, всё же стоит напомнить о том, что дядя может найти её здесь сам и доставить Ламмерту ряд неприятностей?

— Больше ничего, — бросил бесстрашно. — Всё новое и чистое, не беспокойся. Аскил расскажет о твоих обязанностях. Уже сегодня нужно будет многое сделать.

Всё это звучало непристойно и двусмысленно. Возмутительно. На что он вообще намекает?! Или он требует такую плату за её спасение, проучить за то, что она солгала, принудив работать прислужгой, и... Фабиана задыхнулась, поймав взгляд Ламмерта, наблюдавшего за ней с безмолвным, полным скрытого смысла интересом.

— Если вам так будет угодно, милорд, — глухо бросила Фабиана и взяла коробку, ощущая, как горячо заколотилось сердце.

Она могла бы развернуться и уйти прямо сейчас, но куда?

— Я буду выполнять работу, — гордо, не теряя достоинства, подняла подбородок, посмотрев на мужчину свысока. — Но сначала, — вспомнила о самом важном, — извольте вернуть мне документы.

Хэварт чуть склонил голову и потянулся к ящичку стола, открыл его, выудил бумаги, положил на стол. Фабиана даже удивилась, что он так легко отдаёт их. Придерживая одной рукой коробку, другой потянулась за документами, но Ламмерт стремительно перехватил запястье девушки и чуть дёрнул ее на себя. Она едва не выронила коробку. Будоражащий запах, что исходила его кожа, мгновенно затуманил голову, Фабиана на миг потерялась.

— Ты меня что, за дурака держишь? Прикидываешься благородной девицей, полагая, что я клюну? Ошибаешься, хотя, признать, играешь отменно!

Фабиана захлопала ресницами. Что?! Да он с ума сошёл, чокнутый! Лицо Ламмерта было сейчас так близко, словно каменное, ожесточённое, тёмные глаза сверкали холодными искрами. Нет, это какое-то недоразумение!

Фабиана приготовилась высказать ему всё лицо и заодно запустить в него эту коробку, развернуться и уйти, хлопнув дверью, но здравый смысл победил, говоривший не бросаться в омут с головой, так она ничего не добьётся. «Спокойнее, Фабиана».

— Ты обокрала молодую госпожу. И скрываешься в борделях. Ловко у тебя всё получается.

Фабиана вырвала руку и отшатнулась, как ошпаренная. Яд слов проник в кровь, заставляя судорожно сжиматься сердце. Ламмерт раздражённо откинулся на спинку кресла.

— Простите, господин, просто я думала... — Фабиана запнулась. Что она могла думать? Что он сразу всё поймёт и поможет? Как наивно! — Неважно...

— Давай с тобой договоримся, Мариса, — прищурил потемневшие глаза Ламмерт, — ты работаешь у меня, и я не выдаю тебя властям. Ты будешь получать жалование, возможно, даже больше того, чем получала, но не попытаешься сбежать и уж тем более что-то здесь красть.

— Но зачем я вам такая... плохая... нужна? — сорвалось само собой с губ.

Кажется, этот вопрос ввёл в ступор милорда.

— Тебе ведь нужна помощь, я тебе её оказываю, — как-то раздражённо бросил он.

— Из замка я могу выходить?

Ламмерт задержал на ней взгляд, раздумывая.

— Если пообещаешь, что не будешь делать глупостей.

— Пообещаю, но поверите ли вы? Вы склонны не доверять людям.

Хэварт приподнял бровь.

— Верно, но тебе поверю, — чувственные губы снова тронула обезоруживающая улыбка.

— Я могу идти? — прошептала Фабиана, сглатывая ком.

— Можешь, — бросил он.

Хотелось сказать, что ей не нужно от него ничего, никакой платы, ни помощи, но Фабиана не стала, отступила и поспешила покинуть кабинет, пока не наломала дворов.

Выйдя в дверь, облокотилась на неё, прикрывая ресницы. Что же выходит? Она преступница? Он и в самом деле принял её за воровку? Её! Сопоставив всё, Фабиана поняла, что по-другому и не могло быть, его подозрения понятны. Она была одна в том захолустье, с узлом драгоценностей, сама же наплела про работу и горничную.

Сердце неровно отстукивало удары, волнение разносилось по телу жаром. Уняв дыхание, Фабиана, перехватив коробку, пустилась по коридору, больше не задерживаясь.

В самом деле, ничего ведь страшного не случилось, ей на руку то, что он так подумал, она избежала разоблачения. Но, Великая Всевидящая, почему же так обидно было слышать это от него? Осознавать, что она в его глазах грязная врунья, воровка, проходимка! Тогда почему он её оставил и, более того, дал работу? Он ведь должен сразу изъять ценности и передать жандармам для разбирательств. Но он этого не сделал. Почему?

За раздумьями Фабиана не сразу заметила вышедшую навстречу женщину и ударилась плечом о ее плечо.

— Эй, осторожней, — услышала злое шипение.

Фабиана оторопела. Молодая леди, нахмутив изящные тонкие брови, погладила ушибленное плечо. Очень красивая, с копной блестящих каштановых волос, спадавших локонами на прогиб поясницы, в изумрудном платье, элегантно облегающем стройное тело красоти.

— Простите, — пробормотала Фабиана, перехватывая удобнее коробку, решая, что ей нужно поскорее уйти — лучше, чтобы её никто не видел.

Но любопытство брало верх. Кто она? Фабиана ведь уверилась, что в замке никто не живёт.

— Такая неуклюжая, ты могла меня покалечить, — скривила пухлые губы незнакомка, изысканно откидывая упавший на щёку локон, и как-то пристально осмотрела Фабиану, остановив взгляд на коробке. — А ты кто такая? Прислуга? — решила сразу брюнетка. — Уж думала, что в этом доме не найду никого, — поморщила белый лобик и улыбнулась даже вежливо. — Далеко не уходи, ты мне понадобишься скоро, поняла?

Фабиана промолчала, удерживая себя от резких слов, помня о том, что ей нужно встретиться с Танором, и весь этот кошмар скоро прекратится. Нужно только немного потерпеть.

— Хорошо, я буду рядом, миледи, — заставила себя ответить, приседая в реверансе, и поторопилась уйти.

Но всё же обернулась, чтобы проследит, куда направилась эта госпожа. Внутри заскребли стальные когти, когда брюнетка направилась через зал в кабинет милорда.

Фабиана отвернулась и поспешила в свою комнату. Бросила коробку на стол и опустила голову, шумно дыша. Конечно, Ламмерт не может быть один, и эта девушка, видимо, его пасия. Грудь распирало от гнева.

— О чём я думаю?! Мне нужно думать о себе, о том, как скорее вырваться из этих сетей и оказаться в безопасности! — прошипела Фабиана.

Скорее оказаться подальше от карих глаз этого высокомерного неуравновешенного чудовища и его подруг. Фабиана скривилась и решительно придвинула к себе коробку.

Достала чулки, длинное, похожее на одеяние монашек травяного цвета платье, белый передник, воротник, манжеты — всё, что положено горничной.

Когда Фабиана это всё примерила, она смутилась тому, что милорд не ошибся с размером от объёма груди до длины юбки, что уж говорить про чулки — пикантной женской части гардероба, о которой он тоже не забыл.

Повертевшись перед зеркалом, Фабиана цинично улыбнулась собственному отражению. Кто бы мог подумать, что она дойдёт до такого?! До того, что она вынуждена бежать из собственного дома и оказаться «воровкой». Девушка помрачнела, улыбка сползла с ее лица. Ничего, всё образуется и встанет на свои места, как только она встретится с Танором. А пока день-два побудет прислугой, наверняка Аскил отправит её в город по делам — закупить, например, продуктов? Да только позволит ли Ламмерт доверить воровке подобное поручение? Сомнительно. Скорее всего, её не выпустят. Фабиана фыркнула — но не может же он неволить её, в самом-то деле?!

В дверь постучали.

— Да, — отозвалась Фабиана, развернувшись к двери, в которую тут же заглянул Аскил.

Он обвёл девушку пристальным взглядом и быстро вернул его назад, никак не показывая своих эмоций, но Фабиана уловила мимолётное одобрение.

— Завтрак подан, пройдемте, — пригласил управляющий, немного замаявшись. Фабиана явно его смутила.

Спустившись вниз, Аскил, разумеется, повёл девушку не в столовую, а в кухню. Всё же кое-какая прислуга в замке была. Повариха, полная женщина сорока пяти лет с круглым лицом, приятной добродушной улыбкой встретила Фабиану и сразу посадила за стол, подала завтрак.

— Мариса могла бы и сама справиться, — проворчал недовольно Аскил.

— Будет тебе, девочка только первый день в Ристоле, — заступилась Отилия — так называлась кухарка. — Неси завтрак милорду, всё готово.

Аскил взял приготовленный поднос с блюдами и вышел из кухни, но Фабиана успела подметить, что приборов было несколько.

— Не стесняйся, кушай, — вырвала из размышлений Отилия, — Аскил тот ещё ворчун, но хороший, много лет прослужил отцу Хэварта, пока тот не скончался, пусть ему небо будет пухом.

— А что с ним случилось? — подхватила тут же Фабиана, не мешало бы узнать о своём — Фабиана фыркнула про себя — хозяине больше.

— Сердечный приступ, — глаза Отилии сделались печальными.

— Сожалею, — взялась Фабиана за приборы.

— Да, — кухарка села напротив нее, разложив прихватки, надолго о чём-то задумываясь. — Я уж думала, что Хэварт не вернётся на родину... — продолжила женщина тихо. — После смерти уважаемого Норберта мальчик уехал из Вальштора, оставив в знак благодарности своё родовое поместье мачехе, которая заменила им настоящую мать. Теперь он здесь, хоть прошла зима, но я всё ещё боюсь, что Хэварт уедет назад. Грустно, если Ристол останется в запустении.

На кухню вернулся Аскил, мужчина громко кашлянул в кулак, заставляя Отилию смолкнуть.

Завтракали молча, никто не донимал разговорами и вопросами, как это обычно бывает с новенькой, пусть хоть она горничная, хоть воспитанница пансиона. Фабиана со вчерашнего дня сильно проголодалась, поэтому съела даже весь зелёный салат, но от добавки отказалась — у неё сегодня явно будет трудный день, набитый желудок доставит тяжесть. Горничной, конечно, ей ещё не приходилось бывать. Придётся принаравливаться на ходу.

Аскил сразу после трапезы повёл девушку в подсобку, объясняя по дороге, что она должна делать и какие комнаты убирать. И когда он выдал Фабиане всё необходимое для уборки, поднялись на второй ярус, где были покои хозяина. Она заробела.

— Вот, — вошёл в одну из комнат Аскил, приглашая девушку за собой, — первая комната, которая требует немедленной уборки, — с каким-то обречением произнёс управляющий.

Фабиана прошла внутрь, оглядевшись, изумляясь беспорядку, который в ней творился. Даже в голове не складывалось, что Хэварт Ламмерт мог быть таким... неряшливым, судя по тому, как безупречно он сегодня выглядел. Да и удивительно, что он доверил воровке убирать его святуюню.

— Хозяин этой комнаты сейчас в... отъезде, поэтому тебе её нужно убрать один раз.

— Чья эта комната? — Фабиана вконец стушевалась, кто мог ещё здесь жить в замке, кроме самого милорда?

— Витлар эрн Ламмерт, младший брат милорда...

У Ламмерта есть брат? Почему-то это изумило, но Фабиана припомнила короткий рассказ Отилии — Хэварт уезжал за границу не один.

— ...Пока я оставляю вас, можете приступать к работе. После этой комнаты перейдём в зал, — Аскил отступил к двери и, поняв, что вопросов больше не будет, удалился.

Оставшись одна, Фабиана осмотрелась лучше. Покои оказались довольно просторными, с дорогой мебелью, бархатные коричневые портьеры и декором, деревянная обивка стен источала горьковатый пряный запах. Фабиана рошла по ковру, на который падал тусклый солнечный свет, и остановилась у прикроватного столика, на котором лежала стопка книг.

— Вот это да!

Ее удивлению не было предела, когда Фабиана прочла на фолианте название «*Тайна магических артефактов*» — редкая книга, такую сложно достать не то что бы во всём Вальшторе, а даже за границей! Видимо, молодой господин очень интересуется подобными знаниями.

Фабиана, надев тонкие перчатки, которые ей выдал Аскил, осторожно принялась складывать фолианты, убеждаясь, что все они об одном — магии. Вспомнила руки Ламмерта. Он их прячет. Он маг. Девушка поняла, что оба брата имели особые способности.

В пансионе про магов ходило много разговоров, и нехороших тоже. Кто имел какие-то врождённые способности, обязательно злоупотреблял властью и зачастую не соблюдал законов, напрямую или косвенно делая свои тёмные дела под прикрытием порой самой же власти. Но разговоры о них разделились: одни к магам относились с неприязнью и ненавистью, другие — преклонялись. Магия применялась для защиты обороны короля и всей столицы, хотя войн в последнее десятилетие как таковых не было. Правда, порой вспыхивали всякие междоусобицы из-за вмешательства иноземных властей, которые пытаются подавить магов, но, скорее, правители мерились своими резервами, чтобы возвыситься друг над другом. Бессмысленные игры, в которых Фабиана ничего не понимала, как бы ни пыталась. Но отчётливо помнила, что её отец на стороне магов.

У дяди имелись друзья с редким даром, перед ними он преклонялся, а за глаза проклинал и грубо поносил. Фабиана часто была тому свидетельницей. Но тогда она не обращала внимания на это откровенное лицемерие своего опекуна. Но то, что сейчас идёт явный заговор против магов, уже наложило отпечаток на весь Вальштор. А всё дело в том, что с недавних пор пришёл к власти Людвиг Светлый, говорят, он вводит ряд изменений в старые законы и даже традиции, которые в плохом смысле влияют в первую очередь на самих магов.

За раздумьями девушка успела прибрать вещи, включая книги, что теперь стояли корешок к корешку в книжном шкафу, заправила постель и собрала одежду, которую нужно отнести в прачечную. Судя по рубашке и брюкам, младший милорд имел стройное телосложение, как и его братец.

Любуясь чистотой, Фабиана осталась довольна собой. Правда, пыль она так и не нашла ни на одной поверхности, но всё равно вытерла везде. Фабиана задержалась, когда вдруг поймала густой знакомый аромат. Посмотрела в плетёную корзину и вытащила шейный платок. Опасливо глянула на дверь и, повернувшись, понюхала его. Она помнила аромат, исходивший от Ламмерта — такой особенный, не похожий ни на что, терпко-сладкий, горячий, пьянящий, смесь спелого мандарина и кедра. Но платок пах немного по-другому, в чём-то схоже, но не

так глубоко, не до мурашек. Фабиана не понимала, почему запах старшего милорда так на неё воздействует.

— Что ты делаешь? — раздался позади мужской голос.

Фабиана вздрогнула и резко обернулась, сбив со стола корзину на пол, пряча руки за спину, скомкав шёлковый платок. Суровый взгляд Хэварта Ламмерта жёг.

Глава 4

Фабиана

Закусив край губы, чувствуя мучительный стыд, Фабиана потупила взгляд. И почему он её подлавливает в самый неподходящий момент, будто нарочно? Всевидящая, какой позор! Что он видел? Что подумает?

— Прибираюсь, господин, — ответила Фабиана, — вы же сами дали распоряжение.

Как он так подобрался незаметно? Фабиана вытянулась, когда мужчина покинул своё место и направился к ней.

— Что ты там прячешь?

Фабиана смяла платок.

— Вы теперь будете следить за мной?

Ламмерт сощурил глаза, края губ дёрнулись в усмешке. Он приблизился, такой высокий, что ей пришлось задрать подбородок, и так был близко, что закружилась голова. Милорд протянул руку и, осторожно коснувшись локтя Фабианы, скользнул к кисти, так нежно и чувственно, что по позвоночнику побежала волна мурашек. Или Фабиане всё это чудилось, и прикосновения не несли столь откровенного смысла? И всё же он прикоснулся к ней, что непозволительно для молодой незамужней девушки. Впрочем, непозволительно было позволить целовать себя.

Несмотря на беспомощное негодование, Фабиана, как замороженная, не могла пошевелиться, сердце застучало быстро и горячо, когда топкий, как смола, взгляд мужчины скользнул по ней. Ламмерт склонил голову набок, глянул за девичье плечо в тот миг, когда она разжала ослабшие пальцы за спиной, и потянул платок, не выпуская ее из-под своего взгляда, сокращая до неприличия расстояние, так что аромат мужчины окутал Фабиану, и она, не выдержав, смущённая и горящая стыдом, опустила ресницы. Почему это кажется таким интимным и откровенным?

Хэварт усмехнулся, видя полное замешательство девушки, перевёл взгляд на мужскую деталь одежды, и в следующий миг по его лицу прошла тень отстранённости, он сжал губы и обвёл тяжёлым взглядом комнату, задерживаясь на полке с книгами. А Фабиана на изгибе его шеи и выступающей над краем белого воротника жилки. Моргнула и вернула взгляд на лицо мужчины, которое заметно побледнело. Не ожидала такой перемены. Что с ним? Видимо, младший брат очень волновал милорда.

— Аскил сказал, что ваш брат в отъезде? — зачем-то спросила Фабиана.

Хэварт вернул на неё взгляд, кольнув ледяным отчуждением, и ей стало не по себе. Ламмерт ничего не ответил, поднял перевёрнутую корзину, вручил ее Фабиане и, положив в нее платок, молча развернулся и вышел из комнаты.

Что это было? Фабиана постояв немного, пребывая словно в тумане, поняла, что нужно поторопиться. Кажется, придётся привыкать находиться рядом с милордом.

«Как же тяжело это», — с немым обречением выдохнула.

Весь день Фабиана трудилась. После покоев младшего Ламмерта убрала в холле на этом ее работа, к счастью, закончилась. Ужинать горничную пригласили вновь в кухню. На этот раз Аскил присутствовал за трапезой, внимательно следя за болтовнёй Отилии, а та с тоской бросала на него невинные и даже обидчивые взгляды. Кажется, женщине откровенно не хватало общения, но она молчала, дорожа работой.

Утро второго дня началось с раннего пробуждения и суетливых сборов, а после изнурительная уборка. Ламмерт не обманывал, когда говорил, что им необходима помощница. В планах Аскила было выдраить весь замок до последнего закутка, и потому о встрече с Танором Фабиана и не могла и думать.

Под вечер вымоталась настолько, что уже было безразлично всё, лишь бы принять ванну и лечь в мягкую постельку. Столько Фабиане ещё не приходилось работать никогда, да и что говорить — она вообще не занималась тяжёлым трудом, лишь обучением этикета и разного рода женских ремёсел, и единственное, что могла держать из тяжёлого — письменное перо и иголку с пальцами.

Но, несмотря на трудности, Фабиана всё ещё теплила надежду, что побывает в кабинет милорда вновь и заберёт свои документы, по праву принадлежащие ей.

Ламмерт будто сквозь землю провалился, за эти два дня ни разу не встретился Фабиане. Она ненароком подумала, что он покинул Ристол. И только под вечер, когда она заперла дверь последней комнаты, где требовалась уборка, услышала доносившиеся со стороны зала голоса.

Фабиана сразу узнала ту брюнетку, которую встретила на лестнице в первый день своего пребывания в Ристоле. Она говорила несдержанно и эмоционально, Ламмерт, в свою очередь, отвечал приглушённо, почти шипел с раздражением и долей ярости.

Фабиана сглотнула. Что его могло так рассердить? О чём они таком разговаривают? Что общего между ними?

Осмотрев зал, который пустовал, погружённый в мягкий свет горевшего канделябра, Фабиана, тихонько поставив корзину на пол, прокралась к двери кабинета господина, обращаясь полностью в слух.

«Как же нехорошо, Фабиана!» — проснулся голос совести. «Очень плохо, леди не должна так делать», — корила, соглашаясь сама с собой девушка, облизывая сухие губы и борясь с соблазном, но женская суть под названием «любопытство» взяла верх. Сжав складки платья, Фабиана приблизилась ещё на шаг.

— ...Хэварт, ты меня обижаешь. Я же тебе не чужая, в самом деле, милый!

От этой фразы у Фабианы подкатился ком к горлу.

«Милый»? Значит, они всё же близки. Разочарование растеклось по языку горькой амброзией. Фабиана уже хотела отступить и удалиться, почему-то ей стало неприятно до жжения в груди, но осталась, не в силах сдвинуться с места, не узнав ответа Ламмерта, который молчал, создавая такое поле вокруг, что воздух будто звенел от напряжения даже за дверью кабинета.

— Ты для меня никто, Игнэс, когда ты это себе уяснишь? Я попросил тебя удалиться ещё два дня назад, почему ты до сих пор здесь? Зря тратишь своё время. Уезжай, я не хочу тебя больше видеть, слышишь? — низкий грудной голос мужчины прокрался под кожу льдом, заставив Фабиану поёжилась.

Милорд не желает её видеть? От внутреннего ликования сбилось дыхание. Как нехорошо, так слишком невыносимо хорошо, что даже тесно. Фабиана с укором закусил губу, но не могла сдержать эмоций, даже покрылась испариной спина, и стало слишком душно. Развернулась, касаясь ладонями стены, продолжила слушать.

— ...Ты не понимаешь, Хэварт, во что тебя хотят втянуть! Давай опустим наши отношения, ссоры и недопонимания, ты не должен отгораживаться. Твоего брата сейчас держат неизвестно где, может, в каком-нибудь подвале или яме, а если его вообще пытаются, мучают, избивают — ты об этом подумал?!

Фабиана сжала пальцы, унимая пронявшую дрожь. Значит, младший Ламмерт ни в каком не в отъезде, с ним случилась беда? И, похоже, ему угрожают смертью... Фабиана судорожно втянула в себя воздух, в голове сразу всё сложилось. Тот ночной визит Хэварта в её комнату и обвинения, подозрения в её сторону — всё не просто так...

— Замолчи, — грудной рык заставил стихнуть девушку. — Это тебя не касается, поняла? Моя семья тебя не касается. Собирай вещи и проваливай.

Фабиана сглотнула. Если она думала, что в ту ночь, когда он ворвался в комнату, видела милорда разъярённым, то она далеко заблуждалась — это не был предел его терпения. А вот сейчас оно явно дало трещину.

— Милый, — пискнула девушка, — я понимаю твоё состояние. Но подумай, у тебя тут никого нет. Никого...

— Как ты вообще посмела зайти сюда?! — не дал сказать Хэварт. — Войти сюда и копаться в моих вещах, кто тебе дал на это позволение?! — отсёк каждое слово ножом.

— Ты такой упёртый, Хэви, такой грубый, но я не держу обиды, я всё ещё люблю тебя и хочу помочь. Помочь, понимаешь! Позволь, дай мне шанс, мы вместе придумаем выход, Хэварт. Не будь таким чёрствым! Я была вынуждена, понимаешь? Я же люблю только тебя. Тебя!

Фабиана сжала губы, чувствуя, как к лицу прихлынул жар, а по позвоночнику стекает холод. И зачем только она это слушает? У Фабианы своих проблем выше крыши, а тут... Это всё... сложно.

— Пошла вон! — в ушах завибрировал эхом холодный ровный тон милорда.

Он её прогоняет? Фабиана судорожно вдохнула.

— Ну, хорошо, — выдохнула горячо девушка после секундного молчания, — я уеду, если ты так хочешь, — голос как бы ни был твёрд, а всё же дрогнул. — Но подумай, Хэварт, я могла бы тебе помочь, глупо отказываться. Подумай хотя бы ради своего брата, у меня есть здесь связи... Мы могли бы обойти эту сделку. Они не опустят Вита, даже если ты... всё сделаешь. И ты сам это прекрасно знаешь, — девушка смолкла, видимо, понимая, что ходит по краю. — Ненавижу тебя! Ненавижу! И почему тебя встретила? За что мне? Бессердечное чудовище!

Фабиана встрепенулась и, отшатнувшись от двери, понимая, что может попасться, когда женский голос приблизился. Торопливо подхватила корзину, пробежала на носочках по мягкому ковру, пересекая зал, и юркнула за угол.

И как раз вовремя.

Дверь хлопнула. Шуршание платья и шелест шагов раздался совсем рядом. Брюнетка повернула в коридор и остановилась, не замечая притаившуюся горничную.

Девушка вдруг поднесла руку к лицу и стёрла скатившуюся на щёку одинокую слезинку. Внутри Фабианы всё опустилось, а сердце сжало в тиски от жалости. Она действительно любит Хэварта эрн Ламмерта, отчаянно и безысходно. Игнэс туго втянула в себя воздух и подняла подбородок, и тут же насторожилась, будто что-то почувствовав, а затем повернула голову, догадываясь, что она не одна в коридоре, и встретила с Фабианой взглядом.

— Ты? — прошептала она удивлённо.

— Простите, не хотела вас пугать, я как раз заканчивала уборку и собиралась уходить, — протараторила Фабиана, не хватало, чтобы её в чём-то заподозрили.

— Заканчивала?

— Да, госпожа.

— Тогда можно тебя попросить заглянуть ко мне? — вопрос прозвучал столь неожиданно и вежливо, что Фабиана растерялась.

— Конечно, — кивнула и тут же прикусила язык — вот зачем она согласилась, надо было соврать, что она занята и у неё много работы, но уже поздно.

— Тогда я жду.

Игнэс кивнула и, развернувшись, приподняв подол платья, виляя бёдрами, пошла по коридору к лестнице.

Фабиана облегчённо выдохнула и посеменила в другом направлении относить рабочие предметы в подсобку. Подставив руки под струйку воды, посмотрелась в зеркало. Всё что она слышала в кабинете, теперь складывалось в полную картину. Хэварт не хочет видеть эту госпожу. Фабиана всмотрелась в своё отражение и нахмурилась. Игнэс — истинная красавица,

обладающая всеми женскими достоинствами, как Ламмерт может с ней так поступать? Но, судя по разговору, она предала его... А теперь приехала искупить вину...

Подумала о Витларе — брате Хэварта, и по телу пробежался холод. Представила на миг, в каком состоянии милорд, и этот его отчуждённый взгляд, хотя всем своим поведением он не дал и намёка, что у него беда — можно позавидовать его выдержке.

Фабиана, сомкнув ладони, набрала прохладной воды и плеснула в лицо, смывая с себя всю тяжесть. Стало до глубины страшно за них, у милорда, по словам Игнэс, никого нет, чтобы помочь. Как же теперь он будет вытаскивать брата? И что за сделка, о которой она упомянула?

Фабиана выдохнула и, промокнув полотенцем лицо, вышла из туалетной комнаты и направилась к покоям госпожи. И зачем в столь поздний час понадобилась ей? Фабиана не знала.

Постучав тихо, принялась ждать.

— Входи, — донеслось с другой стороны. Отворив дверь, Фабиана неспешно вошла, прищуриваясь на яркий свет — горели все канделябры. Игнэс сидела перед зеркалом и неспешно расчёсывала волосы. — Как тебя зовут? — спросила, глядя на Фабиану в отражении зеркала.

— Мариса, госпожа, — уже без запинки ответила. — Чем я могу вам помочь?

Игнэс хмыкнула и повернулась, глядя на девушку через плечо. Миледи выглядела так, будто не было сейчас той ужасной ссоры с Ламмертом, улыбалась, глаза сияли искрами, даже дыхание задержалось от подобной притягательности.

— Распакуй чемодан, — сухо кивнула Игнэс на кровать. Фабиана даже опешила. Она остаётся? Но разве Ламмерт не попросил её покинуть Ристол? — Что-то не так, Мариса? — Игнэс запустила руки под каскад блестящих локонов и встряхнула. — Поторопись, я устала и хочу спать, — потянулась кошкой и, поднявшись, отправилась к ширме.

От подобного тона у Фабианы в глазах потемнело, а она ведь её даже пожалела, но ту, кажется, ничем не проймёшь, и во внимании она не нуждается.

Фабиана, сдерживая возмущение, прошла к постели и откинула крышку чемодана. И это всё, что ей нужно — разобрать чемодан? Специально это сделала за то, что Фабиана зацепила её плечом? Или Игнэс поняла, что Фабиана подслушивала?

Как бы то ни было, пришлось выполнять. Хотя Фабиана могла отказаться, и пусть бы Ламмерт выкручивался сам, а она не занималась к нему на работу и уж тем более не записалась в слуги посторонним.

Поворчав ещё, всё же принялась выуживать наряды. Не хотелось, чтобы Ламмерт вынужден был встретиться со своей пассией снова. Если до этого роль горничной Фабиану не коробила, то сейчас она в полной мере ощутила, что её используют. Ругаясь про себя всеми непристойными словами, решила, что завтра же найдёт веский повод отлучиться из замка и закончить этот спектакль, это недоразумение, в которое она угодила.

Злость улетучивалась, когда Фабиана выудила помимо груды платьев ещё и пару корсажей странного кроя с тонким кружевом и завязками, и прозрачные чулки. Такая экзотика заставила думать о непристойном. И сразу к Фабиане пришла мысль, что это всё могло нравиться милорду, раз они были в весьма близких отношениях.

— Ну что, закончила? — вышла из-за ширмы Игнэс в полупрозрачном лёгком персиковом пеньюаре, подвязанном под высокой грудью шёлковой лентой.

— Да, госпожа, — ответила Фабиана, стараясь не задерживать на ней взгляд.

Не зря эта женщина завладела внимание милорда, лишённая всяких изъянов. И отступить она не намерена. Кто она вообще такая? Откуда взялась?

Фабиана отогнала эти мысли и поняла одно: Игнэс из таких, кто всегда добивается своего, как бы ни гневался сейчас на неё Ламмерт. Эта уверенность сделает своё дело рано или поздно.

— Я могу идти? — спросила, понимая, что Игнэс пристально её рассматривает.

— Иди, — бросила девушка и беззаботно, позабыв о Фабиане, поправила распушённые тёмные локоны.

Не дождавшись благодарных слов, Фабиана поспешила удалиться. Всё же неприятный осадок опустился комом в сердце. Была бы ее воля, сейчас бы села в карету и уехала. А вместо этого приходится исполнять приказы господ. Виданное ли дело для леди её круга?!

Фабиана негодовала, но, в конечном счёте, поняла, что злило её вовсе не это, а то, что Игнэс решила остаться, хоть ей чётко дали приказали покинуть замок.

— Тише, Фабиана, остынь, какое тебе дело до этого всего?

Негодование смерчем металось в груди, так что ужинать перехотелось, и она сразу поднялась к себе. Войдя в комнату, заперлась на замок, хотя в том смысла не было, если господин пожелал бы войти в эту комнату.

Стянув с себя эту бесцветную, лишённую всякой красоты форму горничной, Фабиана неторопливо расчесала волосы и легла в постель.

Она будет спать, и никаких раздумий.

Как ни удивительно, тело отозвалось на её команду, и Фабиана почувствовала растёкшуюся по мышцам желанную тяжесть, через пару минут погрузившись в сон, успев лишь подумав о том, какой нелёгкий труд быть горничной, и особенно — горничной Хэварта эрн Ламмерта.

От громко стука в дверь Фабиана подскочила с постели, не сразу понимая, где она и кто пытается вломиться в дверь.

— Мариса, Мариса вы проснулись. Время, вы уже пропустили завтрак, — гневный голос Аскила звенел, словно гром посреди светлого дня. А день был и впрямь солнечный.

— Простите, Аскил, я проспала, — подавляя стон муки и желание послать всё в бездну, Фабиана всё-таки сползла с постели. От испуга её всё ещё потряхивало, как и пальцы, которыми она пыталась натянуть свою строгую униформу. — Две минуты, и я готова, — пообещала.

— Поторопитесь, сегодня у вас важная работа.

Ну конечно, по его словам, для него махать тряпкой по вымытой полке — тоже важная работа. Пора со всем этим заканчивать. Она найдёт брата, а после потребует у милорда свои документы. Фабиана, разгорячённая внезапным пробуждением и собственными мыслями, оделась и довольно быстро собрала волосы в пучок, как и вчера, и позавчера, и заколола шпильками. Проверила свой новый тайник, в котором спрятала драгоценности и деньги.

Им оказалась небольшая шкатулка, которую девушка поставила на самый верх шкафа, надеясь, что Ламмерт не попытается их у неё изъять, а если задумает, то пусть сначала попытается достать.

Кровожадные мысли прибавили сил и нужный настрой, обещавший быть плодотворным.

Фабиана едва ли не бегом спустилась с лестницы, коротким приветствием встречая управляющего, лицо которого было мрачнее тучи.

— Позавтракаете позже. Милорд приказал прибраться в его кабинете.

— Как скажете, я всё сделаю, — с охотой согласилась.

У Фабианы даже дыхание остановилось. Хэварт Ламмерт позволит ей войти в свой кабинет? Даже не верилось. Она наконец-то сможет забрать свои документы! Пусть только потом попробует отнять.

Хотя, скорее, Ламмерт перепрятал бумаги, но вчера он был захвачен иным, и мог вполне забыть про такую необходимость.

А что если он вообще велел Аскилу убратся в кабинете, а тот заставил новую горничную?

Аскил фыркнул и оставил девушку. Фабиана, торопливо взяв из подсобки всё нужное, пробежала через пустеющий залитый пудровым солнечным светом зал к кабинету и, оглядевшись, свободно отворила дверь. Скользнув внутрь, затворила ее и развернулась, прищурив

хитро глаза, но, едва наткнувшись на портрет милорда, почувствовала себя неудобно, так будто Ламмерт стоял перед ней сейчас, преграждая путь.

Обведя взглядом широкий массивный из дорогого дерева стол, Фабиана первым делом быстрым шагом прошла к нему, да едва не подпрыгнула, выронив свою ношу, когда со стороны послышался хриплый клочок. Девушка едва не шарахнулась в сторону, когда увидела огромного, размером с гуся, ворона. С гуся, конечно, она преувеличила, но всё же птица была громадной и старой, судя по взъерошенному тусклому оперению, тяжёлому клюву, чуть замутнённым чёрным глазам и узловатым массивным лапам.

Выдохнула. И почему она раньше его не заметила?

Ворон встрепелся и дёрнул головой, повернув ее, посмотрел на Фабиану и снова заклокотал, а в следующий миг так громко каркнул, что оглушил. Фабиана вздрогнула.

— Тише ты! — шикнула на птицу и, обернувшись, прислушалась, не торопится ли на тревожный сигнал сам хозяин этого гнезда. Но нет, всё было тихо.

Покосившись на птицу, Фабиана осторожно обошла стол, запоздало обнаружив и пустую винную бутылку, и бокал, на котором оставались отпечатки губ и пальцев милорда. Вчера он явно провёл ночь здесь. Фабиана прошла вперёд, поддев носком туфли ещё одну пустую бутылку — похоже, нешуточно взбесила его эта высокомерная брюнетка, что он впал в такую крайность.

Поставив корзину на пол, сосредоточенно принялась натягивать перчатки, смотря на роскошное кожаное кресло и... многочисленные ящики стола. В верхнем должны храниться её документы.

— Я только приберусь здесь, — проговорила тихо девушка наблюдающей совсем человечески сидевшей на жерди птице, — и сразу уйду, правда.

Опершись рукой на столешницу, Фабиана закусил губу, подавляя гадкое чувство чего-то взбунтовавшегося в ней, и потянулась к ящичку, как вдруг раздался скрежет по металлу — чёрный ворон сорвался с жерди и тенью ринулся на девушку.

— Ох!

Фабиана ничего не успела понять, лишь, глухо вскрикнув, успела закрыть руками голову, слыша громкие хлопки тяжёлых крыльев и почувствовав над головой пронёсшийся вихрь.

Ворон неуклюже приземлился на каминную полку, сбив с неё всё, что стояло на ней, не удержался, отчаянно каркая когтями камень и ударяя крыльями, грохнулся на пол.

— Пресветлая Всевидящая! — всплеснула руками Фабиана и кинулась к распластавшейся на полу птице.

Ворон трепыхался и пытался шарахнуться под кресло, но Фабиана, рухнув на колени, успела поймать его, пока тот не переломал себе все конечности.

— Не бойся, ну как же ты так? — жалость заполнило сердце, как вина, которую Фабиана испытала, невольно нарушив покой пернатого.

Ворон явно был взволнован тем, что его взяли в руки, сердце горячо трепыхалось, голова дёргалась. Бедолага.

— Ну и тяжёлый же, — Фабиана посадила его обратно на жердь, успокаивающе погладила.

Птица была древней, уже даже держаться на лапах не могла.

— Всё, всё хорошо, чего ты так разволновался? Ничего я тебе ну буду делать, не буду трогать, обещаю, только уберу и уйду, правда.

Ворон нахохлился и, втянув шею, притих.

Фабиана обернулась, глядя на получившийся беспорядок. Медленно отступила и вернулась к камину.

— Ну и беспорядок мы тут с тобой сделали.

Ругаясь про себя, подняла подсвечник, бумаги и коробку, из которой просыпался какой-то порошок, походивший на табак. Девушка аккуратно смела всё до крошки обратно в коробочку и поспешила вернуть на место, понадеявшись, что Ламмерт ничего не заметит.

Но застопорилась, уловив терпкий тяжёлый запах. Поднесла коробку к лицу и принялась, резкая вонь ударила в самый затылок, так что пробило на слёзы, а в горле запершило. Фабиана поморщилась и закашлялась. Какая же гадость!

Торопливо поставила коробку назад, отступила и тут же покачнулась. Хорошо, что успела схватиться за спинку кресла. Заморгала часто, ничего не понимая, что это с ней такое, но тело, кажется, перестало её слушать. Что-то стало не так. Какая-то горячая лёгкость поднялась от низа живота и затупила туманом голову. Мысли поплыли.

Это было настолько необычно и ново, что Фабиана готова была пуститься в танец. Все заботы, переживания и скованность улетучились прочь, раскрепощая движения. Вжав в спинку пальцы, Фабиана нагнулась и дёрнула за ручку ящика.

Тот, конечно, не поддался. Ворон хрипнул, но Фабиана отмахнулась.

— Вот, значит, как?! — девушка выпрямилась, ощущая, как решительность наполняет мышцы звенящей тяжестью.

Так хорошо. Невыносимо. Сейчас она пойдёт и потребует то, что принадлежит ей, и пусть только Ламмерт попробует отказать ей!

Бросив всё, Фабиана пошла из кабинета.

Потянуло запахами чаёв. Минув малый зал, девушка, догадавшись, где может быть милорд, вошла в столовую, место, куда Фабиане как горничной вход воспрещён.

Резко остановилась, взгляд упёрся в восседавшего во главе стола мужчину.

— Доброе утро, — это был явно не её голос, — милорд, — добавила она, улыбаясь настолько приторно и сладко, что самой от себя стало тошно.

Хэварт застыл глыбой, его плечи в чёрном жакете напряглись, руки в перчатках сжались в кулаки. Как же ему идёт чёрный цвет! Ламмерт наверняка это знает.

Фабиана вернула на его лицо взгляд, увидев даже на расстоянии, как вспыхнули в черноте глаз мужчины разящие молнии, настолько жгучие, что дыхание перехватило. Какая-то часть в Фабиане сжалась в комочек, разум бил тревогу, что лучше извиниться и убраться, пока не поздно, но этот голос утонул в неуклонной решимости.

— Мариса, что тебе нужно? — подала голос Игнэс.

Фабиана её даже сначала и не заметила.

Глава 5

Хэварт

Игнэс отпила чай и взялась за десерт.

Хэварт сжал пальцы в кулаки и откинулся на спинку кресла. Её присутствие выводило из себя. Вчерашняя выходка, кажется, сорвала последние планки терпения. Неужели она всё ещё думает, что сможет вернуть их отношения?

С Игнэс Хэварт познакомился на одном из светских вечеров, тогда она поразила его своей красотой с первого взгляда. Они были вместе три года. Хэварт хотел что-то большее от Игнэс, больше чем мимолётных встреч, он хотел, чтобы она была рядом постоянно, но Игнэс уклонялась. Тогда он думал, что такую малышку так легко не добиться. Он был полным дураком, веря её словам. Для Игнэс оказались главнее деньги и побрякушки, чем какие-либо чувства.

Поэтому он не понимал, зачем она разыгрывает этот спектакль сейчас, строит из себя обиженную, пытаясь воззвать к его жалости. Это злило ещё больше.

Вчера он осушил не одну бутылку вина, чтобы утопить гнев, который его раздирал в клочья. Яда она подлила в его кровь смертельную дозу, заговорив о Витларе. Ему и без того было скверно, бессилие душило, и Хэварт думал, что сойдёт с ума от бездействия. И тут ещё она...

Почему они тянут? Не дают знать, что им нужно? Или намеренно выжимают все силы, проверяют, не пойдёт ли он подать на розыск брата? Он бы мог, но это слишком опасно для него самого, если власти докопаются, кто он...

Игнэс предлагала помощь, но Хэварт наотрез отказался, ему не нужны подачки от её многочисленных любовников.

Хэварт перевёл дыхание, глядя, как Игнэс допивает чай и заканчивает с десертом. А вот он даже ещё не приступал. Жутко болела голова и сушило горло.

Уехать Игнэс тоже не могла, в городе и в самом деле многие пути перекрыты. Не врала, когда говорила об этом — власти кого-то ищут.

Нужно самому отвезти её на постоянный двор, и пусть ожидает там, сколько ей влезет. Здесь ей делать нечего. Заодно он наведается в злчные места, может, там что-то получится узнать. И кого же так тщательно разыскивают, а то он точно одичает в этих стенах.

— Ты не в настроении, Хэварт? — расстроено поджала губы Игнэс. — Неужели я тебе настолько чужая? Ладно, пусть в наших отношениях недопонимание, но почему мы не можем просто общаться?..

Хэварт закатил глаза и шумно выдохнул. Это просто невыносимо.

— ...Я ведь так была рада, что ты приехал в Вальштор, спешила к тебе...

— Давай ты будешь выяснять отношения теперь со своим новым любовником? — осадил её, жалея, что вообще вышел в столовую.

Игнэс сомкнула губы и обиженно засопела:

— Знаешь, я разочарована в тебе...

Хэварт удивлённо приподнял бровь.

— ...Я думала, ты меня любишь. Да, именно так. По-настоящему любишь, а тебе нужно одно, как и всем остальным... — Игнэс сжала в пальцах салфетку. — Стоило оступиться, как ты вычеркнул меня из своей жизни, легко и быстро, не сожалея ни о чём, будто меня и не было, не было той страсти между нами.

— Ты заигралась, Игнэс. По-моему, тебе самой сначала нужно определиться, что тебе нужно, какой мужчина, что ты хочешь получить от своих многочисленных связей, чувства или всё же деньги, — выпалил Хэварт, расправив затёкшие от напряжения плечи.

Игнэс хлопнула ресницами.

— Ты невыносим.

— Я уже это слышал. Приготовь свой чемодан, — приказал он, не давая ей найти новый повод завести его, — я любезно отвезу тебя в хорошее место.

В глазах Игнэс заблестели слёзы.

— Ты, ты... — начала она и смолкла, когда за дверью послышались шаги.

Хэварт напрягся. В столовую вошли.

Мариса? Изумление мгновенно улетучилось, когда девушка, чуть задержавшись у порога, прошла к столу такой бесцеремонной и в то же время изящной походкой, что даже рабочие перчатки на женских тонких руках и мешковатое платье не смогли скрыть её природной красоты.

— Доброе утро, — протянула она, улыбнувшись так очаровательно, что к горлу подкатил ком, — милорд, — подняла на Хэварта взгляд.

В голове зашумело от всколыхнувшегося внутри смерча гнева и в то же время восхищения.

Что с ней такое?

— Мариса, что тебе нужно? — вмешалась Игнэс, раздражённая тем, что её прервали.

Мариса обратила на девушку взгляд, и, казалось, в кристально голубых глазах сверкнули искры чего-то опасного, что заставляло ожидать.

— Что МНЕ нужно? — переспросила девушка, продолжая нахально улыбаться, будто она не горничная, не воровка, а леди из высшего круга, уверенная и ледяная, и в то же время горячая. — Это вам что здесь нужно?

Хэварт ухмыльнулся, не мог не усмехнуться, а лицо Игнэс стало растерянным, что он готов был наблюдать за этим вечно. Игнэс опомнилась и приподнялась, но тут же уселась обратно.

— Хэварт, кажется, твоя горничная не знает своих обязанностей, что за тон?

Хэварт и сам бы хотел знать — что?

Марисе явно не понравилось, что о ней говорят в третьем лице, приблизилась, смотря на мужчину свысока.

— Верните мне мои документы, и я уеду, — потребовала она.

— Какие документы? — вскинулась Игнэс. — Да что ты себе позволяешь?! Немедленно выйди вон! — Игнэс всё же вскочила. — Хэварт, почему ты молчишь? Выстави её, пусть идёт мыть полы!

— Пусть милорд для этого подыщет другую, — огрызнулась Мариса.

Хэварт стиснул кулаки и поднялся. Воровка перегибает палку, но для чего? Такая отважная, совсем его не боится, до этого он за ней такого не замечал. Слыша, как Игнэс яростно пытит, Хэварт приблизился к девушке. Он не знал, что задумала эта птичка, но не хватало, чтобы они тут сцепились. Игнэс, конечно, может за себя постоять, пользуясь своим авторитетом, а вот Мариса... эта робкая до недавнего времени пташка — отнюдь, что бы сейчас у неё на уме ни было.

Мариса даже не дрогнула, когда Хэварт приблизился, но стоило посмотреть в её глаза, как ему всё стало ясно. Ясно и дико неприятно.

— Подыщу обязательно, — прошипел Хэварт, схватив девушку под руку, выпроводил за дверь.

И как только они оказались одни, он развернул её к себе, заставляя посмотреть в глаза. Зрачки были расширены, лицо бледное — все признаки налицо.

— Что за дрянь ты приняла? — рыкнул Хэварт, в то время как сердце колотилось, как сумасшедшее.

— Отпустите меня, вы не имеете права так со мной обходиться, отпустите!

Пришлось потащить её дальше по коридору, подальше от ушей Игнэс.

— Сейчас же говори, что с тобой? — потребовал, шагая широким шагом, заставляя девушку шевелиться, но та едва за ним успевала. — Аскил! — позвал Хэварт управляющего.

В следующий миг Мариса пихнула Хэварта и дёрнулась в сторону.

— Ну нет, не так быстро, — процедил, перехватывая ее поперёк пояса рукой, отрывая от пола.

— Вы звали, господин, — появился в зале Аскил, изумляясь увиденному, тому, как Мариса безнадежно отбивалась от Ламмерта, пытаясь вырваться из хватки.

— Немедленно принеси аксединт.

Глаза управляющего расширились, а лицо сразу побледнело.

— Хорошо, — буркнул мужчина и поспешил удалиться.

Оказавшись в кабинете, Хэварт скользнул взглядом по корзине и метёлкам, вернул Марису на пол. Та, отбежав, развернулась резко, раскрасневшаяся и возбуждённая. Выглядела так, будто собралась на него накинуться.

— Ты здесь что-то трогала? — спросил Хэварт, замечая, что предметы на полке стояли не так как прежде.

— Да, трогала, и хотела забрать свои документы. Отоприте свой ящик и отдайте мне их, немедленно!

— Это не твои документы.

Мариса засмеялась, Хэварт покинул своё место, вновь схватил девушку и бросил в кресло, проверяя ящик.

— Хватить этой игры, милорд, — повернула к нему Мариса лицо.

Хэварт прищурился, награждая Марису суровым взглядом, отстранившись, подступил к каминной полке и всё сразу понял, остановив взгляд на злосчастной коробке.

— Вы слышите меня? Отдайте мои документы! Они мои, понимаете?! Я — Фабиана эрн О-Лидэр.

— Сколько ты сделала вдохов? — вновь склонился над бредившей девушкой Ламмерт, показывая деревянную коробку.

Мариса перевела взгляд на неё и взмахнула рукой.

— Какая разница?

— Разница огромная.

Хэварт не стал говорить, что эта смесь может убить, и он сам виноват, что оставил её в кабинете. На днях он получил митронир в подарок от старого приятеля — редкие цветы побережья Даранского побережья, особенность которых заключалась в том, что десятилетние сушёные соцветия начинают выделять яд. В самых крохотных дозах он расслабляет и даже имеет лечебные свойства. Но в больших объёмах...

Тревога кольнуло тупой иглой сердце, заставляя кровь бежать по венам быстрее. Где же Аскил, почему так долго? Как он додумался запустить Марису в его кабинет? Но Хэварт сам виноват — он не предупредил управляющего обо всех тонкостях по отношению к Марисе. Воровке.

— Вы вообще слышите меня?

Хэварт поставил коробку на стол и склонился над девушкой, сокращая расстояние до ужасно минимального, что она вжалась в спинку кресла, явно стусевавшись. Лучше бы он этого не делал, теперь он слышал её запах — глубокий, волнующий, сладкий, как мёд, аромат фиалки.

— Мне нужно встретиться с братом, очень нужно, я в опасности, милорд... — девушка скользнула взгляда по лицу Хэварта и опустила на ключицу. — У вас такая красивая шея, — резко перевела разговор Мариса и вдруг подняла руку и коснулась открытого участка горла. Прикосновение пальцев обожгло и разнесло по телу ток, но тонкие перчатки, в которых всё ещё была девушка, не позволили почувствовать нежность её пальцев. — И вам так идёт чёрный

и серебро... — этот приглушённый глубокий голос, этот взгляд из-под опущенных ресниц, томно взирающий на него — всё это заставило забыть обо всём.

Рука Марисы скользнула к его затылку. Хэварт почувствовал, как ткань штанов натягивается, а по мышцам растекается тягучий жар.

— Кто же ты такая, Мариса?

Как умело она перевоплощалась то в робкую мышку, то в изящную, полную пламени и страсти львицу.

— Я... Фабиана... — ответила ещё глуше девушка, приоткрывая розовые губы, чуть усмехаясь, наверное, над ним, потому что Хэварт в какой-то миг поймал себя на том, что поддался этому случайному соблазну, но здравый рассудок подал отрезвляющий сигнал.

Она воровка, лгунья, ничем ни лучше Игнэс, но опаснее, потому что если с Игнэс всё понятно, то от Марисы Хэварт не знал, чего ждать, что она скрывает. Полная тайн. Непостижимая. Непонятная. Не похожая ни на одну... Губы её оказались слишком близко, чтобы отказать от искушения впиться в них и вновь испытать сладостный вкус и совершить ошибку.

— ...Вы мне нравитесь, Хэварт... Поцелуйте меня, — прошептала совсем тихо, вытягивая изнутри Хэварта что-то такое, чего он не ожидал почувствовать — огонь, топкий, поглощающий, сжигающий все предосторожности, рассудок. Выдох вышел тяжёлым, Хэварт отвернулся. Он не мог. Не мог воспользоваться этой беззащитностью, это ведь не настоящие её желания, а всего лишь воздействие митронира. Всего лишь. Мариса разочарованно выдохнула. — Вы мне не верите... — на губах ее появилась грустная улыбка. Учащённо задышав, она прикрыла веки, пушистые ресницы задрожали на щеках, отбрасывая бархатную тень.

— Нет, не верю, — ответил, раздражаясь на самого себя, что так легко оказался в собственной ловушке. Раздражаясь, что Аскил слишком долго возится.

Стоило его припомнить, как управляющий вошёл в кабинет, неся в руке маленький серебряный кубок.

— Вот, милорд, — подал он.

Хэварт забрал снотворное, наградив управляющего укоряющим взглядом. С ним ещё разберётся.

— Что это? — оживилась Мариса, когда Хэварт вернулся к ней.

— Лекарство, — не позволив девушке опомниться, он сжал её затылок и поднёс кубок к губам, заставляя выпить содержимое.

Мариса возмущённо трепыхнулась, но уже поздно. Морщась от горечи настоя аксединта, Хэварт выпустил девушку и вернул кубок Аскилу.

— Она не завтракала, я не думал, что... — запоздало начал оправдываться Аскил.

Хэварт сердито выдохнул. Если не завтракала, значит, спать будет до самого вечера.

Хэварт подхватил растерявшуюся вконец девушку под спину и колени, поднял с кресла.

— Что вы делаете? — напряглась Мариса.

— Помогаю, сама ты не доберёшься до постели.

Мариса смолкла, аксединт уже начал своё действие, девушка заметно расслабилась. Бросил предупреждающий взгляд на Борту, чтобы тот излишне не шумел, уложил фиалку на софу, подкладывая под голову подушку.

— Выбрось ту коробку, Аскил, и принеси плед, — приказал стоявшему позади управляющему.

Аскил ушёл, и когда Хэварт взглянул в лицо Марисы, девушка уже мирно спала. Ламмерт усмехнулся, задерживая взгляд на её очаровательном лице, щёки постепенно розовели, кровь циркулировала — хороший знак. Хэварт взял кисть девушки и потянул перчатку, снимая её, оголяя тонкое запястье, Мариса сделала глубокий вдох грудью и, отвернув лицо, запрокинула свободную руку за голову. Хэварт сжал челюсти, в груди стало слишком горячо.

Сколько у неё было любовников? Наверняка были и есть...

Хэварт повернулся, принимая плед у вошедшего Аскила.

— Забери этот весь хлам, — указал Ламмерт на предметы уборки. — Аскил, что произошло?

Управляющий достал карманный платок, промокнул лоб — он всегда так делал, когда нервничал.

— Мариса проспала утро и пропустила завтрак, я разбудил её и отправил убрать ваш кабинет. У меня возникли проблемы с прачками, милорд, Офри, если, вы забыли, подала на жалование, ей тяжело стало выполнять тяжёлую работу...

Да, он и в самом деле забыл, Хэварт вспомнил, что женщина в положении.

— ...Я не думал, что выйдет такой казус, милорд, до этого Мариса хорошо справлялась с работой.

Упрекать мужчину Хэварт больше не смел, Аскил и так загружен.

— Хорошо. Ищи новую прачку, от работы Марису пока отстрани на два-три дня, ей нужен отдых.

— Слушаюсь, милорд.

— И да, чуть не забыл, прикажи подать карету. Сегодня ужинать в замке не буду, вернусь поздно.

Управляющий застопорился, пряча платок в карман.

— Ничего не выяснилось о милорде Витларе? — вдруг спросил он.

Хэварт помрачнел.

— Пока нет, — похоже, нужно начинать что-то предпринимать самому. Этим он сегодня и займётся.

Сняв вторую перчатку с руки Марисы, Хэварт накрыл девушку. Пришлось забрать Борту — мало ли что тот может начудить, в последнее время у пернатого туго с мозгами.

Наверняка, когда Мариса проснётся, то ничего не вспомнит, что говорила, как смотрела и уж тем более что прикасалась к нему. Хэварт усмехнулся, а если и вспомнит, интересно будет понаблюдать за ней, как она поведёт себя после.

— Что в этом замке, в конце концов, происходит? — голос Игнэс раздался с порога, едва Хэварт вышел в зал.

Посадил Борту на жердь, клетка ворону уже давно не нужна, птица перестала летать ещё прошлой зимой. Ламмерт повернулся к ожидавшей ответа гостье.

— А что происходит? — потёр переносицу — головная боль возвращалась, стуча где-то в затылке.

Игнэс хмыкнула, думала, что он станет оправдываться, скажет, что накажет прислугу и кинется успокаивать её?

Вид девушки в какой-то миг сделался настолько подавленный, что Хэварт понял, что стоит быть мягче, всё же Игнэс женщина. И она действительно ничего плохого не сделала, разве что поставила точку в их отношениях, и суёт нос повсюду.

— У тебя есть час, чтобы собраться, — бросил Хэварт и направился в свои покои.

Выйдя на улицу из замка, Хэварт поправил ворот чёрного жакета и с хмуростью взглянул на тонувшее в глубоком сумраке небо, злился, что выехать раньше не вышло. Но свежий воздух взбодрил. Сойдя с порога, он направился к карете, в которой уже ждала его Игнэс — Хэварт заранее попросил Аскила проводить леди из замка.

Когда он погрузился в повозку, Игнэс никак не отреагировала и молча смотрела в оконце. Закрыл дверцу, карета сразу тронулась.

Перед отъездом Хэварт заглянул в кабинет. Мариса спала. Всё-таки на пустой желудок снотворное действовало более чем сильно.

Вся дорога прошла, на удивление, в тишине. Игнэс не пыталась заговаривать, не пыталась донимать своими бессмысленными предложениями. Она обижена, но это уже её дело. Если раньше Хэварт был чутким к перепаду настроения девушки, то сейчас ему совершенно безразлично её состояние. Разозлило и то, что она всё равно смогла разыграть сцену и притворится больной, пришлось отправиться к ней самому и проверить. Игнэс, не ожидавшая появления Ламмерта, увы, не успела притвориться немощной и выглядела вполне здоровой, даже весьма, успев скинуть с себя пеньюар — в духе Игнэс, ничего не скажешь. Хэварт смотрел на нее, а перед глазами была Мариса, которая спала сейчас на его софе, словно ребёнок. При всей своей напускной серьёзности во сне она слишком соблазнительна. Какова же она в постели?

Трюк с оголением не прошёл. Приказал Игнэс сию же секунду собраться, она впала в ярость, и когда Хэварт захлопнул дверь, запустила в неё вазу.

У эрн Ларси не осталось никаких оснований, чтобы оставаться в Ристоле. Пусть он будет бессердечным чудовищем, палачом — кем угодно, но для неё в нём нет места.

Карета остановилась, а значит в нужное место они прибыли. Хэварт заранее велел возничему ехать просёлочной дорогой, чтобы не задерживаться нигде. Путь вышел чуть длиннее, но это пустяки. Ему необходимо быть в сердце Вальштора.

Игнэс повернулась, в глазах её стоял влажный туман. Всё же обижена. Хэварт вышел быстрее, чем она могла произнести хоть слово.

К прибывшим поспешил лакей, Ламмерт передал ему чемодан госпожи и дал чаевых. Вернулся к карете. Открыл дверцу с другой стороны, подал руку. Игнэс эрн Ларси приняла с неохотой.

— Ты не возьмёшь меня с собой? — она, конечно, догадалась, куда он намеревается ехать дальше.

— Нет, — ответил сухо. — Я хочу тебя кое о чём попросить, — Хэварт посмотрел на ещё одну прибывшую карету к постоялому двору, повернулся к Игнэс. — Не говори никому, что узнала. Не говори о Витларе.

Игнэс сжала губы, наверняка не то хотела услышать.

— Это всё? Всё, что ты скажешь? Надеюсь, ты не будешь жалеть о своём решении, — бросила она, морща нос.

Почему она его стала так раздражать, злить? Он был ослеплён её красотой, которая лишь оболочка.

— Прощай, — ответил Ламмерт, решая уже поторопиться.

Игнэс поджала губы и, развернувшись, пошла прочь.

Проводив её взглядом, Хэварт сел в карету, велел возничему трогать.

Через четверть часа он уже был в самом златном заведении во всём Вальшторе. Встретили Ламмерта со всем почтением, проводили в огромный, погружённый в полумрак зал, полнившийся гостями. Мужчины курили, с жаром что-то обсуждали, женщины лениво распивали вина. Играла музыка, доносившаяся откуда-то из другой гостиной. Хэварт не прислушивался, о чём говорили в собравшихся компаниях, прошёл по ковру, погружаясь в пелену дыма.

Обстановка, несмотря на многолюдье, расслабляла. Наверное, год назад он бы вполне оценил столь роскошное заведение и, конечно, был бы его частым гостем.

— Прошу, — указал слуга пройти за ним.

Хэварт проследовал, минуя холл, он успел привлечь внимание, заметив, как поворачиваются в его сторону головы.

Пройдя под тяжёлыми тёмными шторами, он оказался в другом зале, более тесном. Бархатная обивка стен приглушала все голоса и звуки, хоть музыканты на сцене играли громко. Плотный воздух горький и терпкий, пропитанный дорогими винами и табаком. Душно. Хэварт обвёл взглядом карточные столы и господ, что увлечённо играли, распивая вино из бутылок, целую и зажимая женщин.

— Добрый вечер, милорд, — Ламмерта встретил уже другой лакей, пристально оглядев гостя, оценивая, достоин ли он быть этим самым «гостем». — Куда желаете, господин?

Хэварт ещё раз обвёл зал и кивнул. Лакей глянул в сторону Большого стола, за которым были заняты почти все места, вернул чуть удивлённый взгляд на Ламмерта.

— Прошу, — с любезной улыбкой пригласил пройти.

Едва Хэварт приблизился, как игроки притихли: мужчины смотрели с недоверием и настороженностью, женщины, что их сопровождали, с любопытством и лёгким изумлением. Лакей отодвинул свободное кресло, и Хэварт опустился в него, обводя напряжённым взглядом мужчин. Их было пятеро, зрелые, сосредоточенные, серьёзные.

Лакей подошёл к тому, кто сидел во главе стола, окружённый молодыми женщинами, видимо, дворовыми потаскухами. Слуга что-то сказал мужчине, склоняясь к уху, тот лишь взмахом руки дал понять, что всё понял. Мужчина имел светлые волосы, такие же светлые брови, тяжёлые крупные челюсти и сбитое широкое тело. На пальцах именные перстни, он явно из благородных кровей.

— Играем? — ухмыльнулся лорд.

Хэварт, выдержав буравящий взгляд, изъяс из внутреннего кармана жакета кошель, бросил на стол. Девушки заёрзали своими округлостями на сиденьях кресел, глаза зажглись жадностью.

Хэварт знал одно: после этого вечера он станет со своим соперником либо другом, либо лютым врагом навечно. По-другому за этим столом не бывает. Совсем некстати вспомнилось данное обещание себе завязывать со всей этой грязью, но его планы посыпались прахом. Витлар неизвестно где, и он должен понять быстрее, кто его похитил.

Блондин алчно сощурил глаза, отрывая взгляд от кошелька.

— Ну что ж, приступим, — криво оскалился он.

К ним тут же приблизился крупье...

Для Хэварта не составило труда выиграть. У него было особое чутьё предугадать следующий шаг противника, и этот раз был не исключением, но он не обыгрывал каждого, часто позволял себе проигрыш. Играть со смертью, выигрывая у всех подряд, не было его целью, хоть на играх Хэварт тоже сколотил приличное состояние, но всё же не это было главным в том, что он богат...

Напряжение уже давно разнеслось по залу, и те, кто сидел за соседними столами и в дальних углах, давно наблюдали за игрой господ. Мужчины, которые сидели в общей компании с лордом, пили крепительные напитки и сжимали кулаки, теряя остатки терпения. Хэварт взглянул на свои карты — последний шаг оставался за ним. Ламмерт перевёл взгляд на лорда. Сейчас он должен понять, за кем останется победа.

Этот господин явно был здесь частым гостем и, скорее всего, он пришёл не за выигрышем, а за лошадиной порцией митронира, разумеется, в переносном смысле. Ему не нужны деньги как таковые, пусть даже ставка сейчас получилась высокой. Очень высокой.

И всё же что-то было не так. Хэварт не мог понять, но что-то настойчиво ускользало от него. Сердце стучало камнем, во рту пересохло. Он слишком напряжён, чтобы трезво думать, ему нужно время, но его у него нет.

Не теряя с соперником зрительного контакта, Хэварт потянул из руки карту. Бросил на стол.

Повисла тишина.

Такая тяжёлая, сухая до треска, казалось, даже музыканты перестали тревожить струны. Девушки охнули, округлив глаза, один из мужчин кашлянул в кулак, поправляя превратившийся в петлю шейный платок.

Оторвав от Хэварта горящий взгляд, мужчина глянул на стол.

— Хм-м... — протянул он. Лицо мужчины — непроницаемая маска, Хэварт не мог понять, что господин думает. — Я не надеялся, что в Вальшторе остались достойные мне противники, — проговорил он и повернулся к крупье, — принесите нам самого дорого вина.

Другие мужчины смогли выдохнуть, кто-то из них удалился подышать воздухом. Тут же были принесены широкие бокалы и пузатая бутылка из тёмного стекла.

— Давайте выпьем за вашу победу, милорд, — поднял наполненный лакеем бокал лорд.

Хэварт взял свой бокал и сделал глоток терпкой вязкой жидкости редкого даранского вина. Крупье подал бумаги. Господин широким жестом оставил подпись, и ценный пергамент оказался в руках Ламмерта. Всё происходило быстро и по всем правилам.

— Поздравляю, милорд, — произнёс крупье, отступая от него.

Хэварт спрятал свёрток бумаги во внутренний карман жакета.

— Мне нравится ваша непосредственность, — усмехнулся новый знакомый.

Хэварт, бросив короткий взгляд на любопытствующих.

В таких ситуациях всегда нужно помнить про необходимость уйти вовремя, и этот момент как раз настал. Он уйдёт, а дальше время покажет, чего ждать от этой партии.

— Что ж, был рад провести в хорошей компании время, но мне пора идти, — сказал Хэварт, делая последний глоток и отставляя пустой бокал.

— Вы прибыли один? — спросил вдруг господин. — Просто в городе с дорогами проблема, я могу дать вам своих людей, и вы проехали бы быстрее.

Хэварт чуть улыбнулся — всё же он недооценил своего соперника, раз его экипаж пропускают на запруженных дорогах Вальштора. И если бы этот достопочтенный замыслил что-то, не предлагал бы при свидетелях свою помощь.

— А что за проблема с проездом, позвольте узнать? — задержался Хэварт.

Господин небрежно скривил губы своим мыслям, взял дымящуюся трубку со стола и вставил в зубы.

— Видите ли, я пожелал в жёны одну хорошенькую леди, а она, испугавшись меня, сбежала из дома, теперь я вынужден её найти, — ответил сквозь сжатые зубы, поддерживая трубку пальцами, едко прищурил глаза. — Так бывает часто, глупая курица не понимает, что делает и чего лишается, — скривил в брезгливости губы, протяжно выдыхая дым.

Внутри неприятно заскребло, хоть Хэварт не знал о ком речь, но понял, что кем бы ни была эта леди, для богатого лорда просто вещь, игрушка, которую он любой ценой готов заполучить лишь ради принципа. Тогда откровенно жаль ту несчастную, если ему это удастся.

— Что ж, желаю скорее найти вашу невесту, Ваша светлость, — ответил Хэварт. — Не беспокойтесь, я смогу добраться сам.

— Как знаете, — снова маска, скрывающая все мотивы.

Сейчас не нужно имён и лишних разговоров. Всё после. Как и всегда.

— Доброго вечера, — поднялся Хэварт, обводя взглядом остальных мужчин, что поспешили ему поклониться.

В свою очередь и он учтиво поклонился, поймав липкие улыбки женщин. Лакей проводил Ламмерта, любезно открыл дверку кареты.

— Честь для нас увидеть вас вновь, милорд.

Хэварт закрыл дверцу, снял перчатку и, пронизав пальцами волосы, прикусил губы, испытывая всё напряжение и тяжесть этого вечера. Ужасно хотелось пить. Нужно поскорее убираться отсюда. Ламмерт повернулся:

— Поехали, — бросил через решетчатое оконце возничему.

Карета тронулась. Выдохнув с шумом, Хэварт откинулся на спинку, сиденья и прикрыв веки.

Дорога назад оказалась длиннее, приходилось каждый раз останавливаться и ждать проезда, хотя в город они миновали почти свободно. Но стоило повернуть к окраине, ехали уже

быстрее и без всяких остановок. Хэварт думал о том, что завтра нужно вновь приехать в Вальштор. Возможно, появится какая-нибудь зацепка.

Мысли плавно перетекли к Марисе. Интересно, она ещё спит или уже проснулась? Желание увидеть её в своём кабинете спящей разнеслось по телу горячим возбуждением. Хэварт усмехнулся самому себе — эта фиалка занимает слишком много места в его голове.

Ламмерт расслабился окончательно и даже смог задремать, как неожиданный мощный удар позади толкнул карету. Ламмерта швырнуло вперёд, он, успев выставить руку, которую тут же прострелило болью, едва не ударился о деревянную стену головой. Магия мгновенно отозвалась, хлынула по предплечью и застыла в запястье — браслеты блокировали её поток. Такой объём мог бы сразить его с ног, если бы не защита. Громкое ржание лошадей, глухой всхрап и топот раздался из решётчатого окна.

— Проклятье, — выругался и стремительно выбрался наружу, едва не наскочив на безвольно лежавшее тело возничего, склонился, повернул лицо бедолаги, которое было в сумраке ночи слишком бледным, пустые глаза взирали стёклами.

Хэварт отступил, насчитывая троих всадников в чёрных одеждах, лица спрятаны под масками, в руке у одного из подонка нож с окровавленным лезвием. Наёмники спешили, тот, что с оружием, шёл на него стеной, в то время как двое других заходили со спины. Хэварт переступил через валявшееся на дороге бревно, опутанное верёвками, медленно отходя к лесу. Кто эти люди? Кто их послал? И мог ли это быть его новый знакомый? Или похитители Витлара? На раздумья не было времени. Но они явно приготовились, а значит, ждали, что он поедет именно в это время, этой дорогой. В голове вспыхнуло осознание — кто-то очень тщательно за ним следил.

Первого наёмника он обездвигил в два удара: ногой в колено и тут же боковым с левой — в челюсть. Второго — ударом в живот, коленом в нос. Тот, что с ножом, очнулся и бросился в атаку. Хэварт отпрянул от молниеносного скольжения ножа. Хорошо, что его не зацепило, но плохо, что в это время со спины набросился наёмник, схватил за горло. Хэварт попытался, позволив дать нападающему преимущество, но в следующий миг резко и точно ударил под дых локтем. Ламмерт развернулся, с замахом ударил его кулаком в челюсть, тот полетел назад, но, споткнувшись о корягу, кувыркнулся неудачно — раздался характерный хруст, а следом оглушил истошный рёв.

Подобрав нож, Хэварт бросился к пострадавшему, тот пытался встать на покалеченную ногу. У Хэварта есть правило, которому учил его отец — лежащих не бить, а лучше сразу прикончить. Сейчас Хэварт был благодарен Норберту за то, что тот научился его драться, как настоящий мужчина — без жалости, без страха, пусть даже уроки отца порой были жёсткими и хладнокровными, сейчас он был ему благодарен.

— Кто? — прошипел Хэварт, схватив убийцу за волосы, подставляя нож к горлу.

— Катись в бездну, выродок! — гневно выпалил тот.

В голове вспыхнул багряный туман ярости, Хэварт стиснул нож сильнее.

— Одно моё движение, и ты заткнёшься навсегда, — прошипел он, душа в себе желание прикончить его, удерживая себя на краю. — Говори!

Оглушительный стук, и Хэварт резко откинул голову назад. Затылок обожгла нестерпимая до проступивших слёз боль, подкосившая колени. Ламмерт покачнулся, выронив нож из ослабших пальцев, осел на колени и повалился навзничь на холодную землю. Зрение залило чёрной рекой, как и сознание. Он только успел услышать шорох возле себя, резко выдохнуть от удара чем-то тупым в бок.

— Это тебе за сломанный нос, — раздалось злое шипение, снова удар, потом ещё один, ещё, и ещё...

— Хватит, — раздался приказ. — Ты его убьёшь.

— Ничего с ним не сделается. Очухается, — знакомые голоса раздавались, будто за толщей воды, и медленно тонули под тяжестью тьмы, утягивая Хэварта на самое дно.

Пробуждение причинило жуткое страдание, Хэварт готов был просто умереть дважды, лишь бы не приходить в чувства. Разомкнув веки, в тошнотворной круговерти огляделся: карета стояла под клёнами, лошади фыркали, наёмники сбежали.

Всё ещё было темно, а значит, в отключке Ламмерт пребывал недолго.

Крепко выругавшись, перевернулся и, приподнявшись на локте, сел. Осторожно ощупал затылок и поморщился. Кажется, всё-таки пробили, но самое скверное, что он терял кровь, которая текла по шее горячим ручьём. Рубашка впитывала её быстро и липла к спине.

С неимоверным усилием Хэварт стянул с себя жакет, карманы которого оказались вывернуты наизнанку, отшвырнув его прочь, взглянул вверх. Схватившись за сук дерева, поднялся. Боль затопила затылок, отдаваясь судорогой в плечи, рёбра сжали лёгкие капканом. Хэварт задержался, закрывая глаза, в которых посыпался каскад искр. Сильно же его приложили.

Покачиваясь, добрался до кареты, снова застыл, подавляя приступ мути. Судорожно вдыхая, распряг одну из лошадей, скидывая всё лишнее, забрался верхом. Обхватив поводья, пнул пятками животное, посылая вперёд.

До замка ещё далеко, потому возвращение оказалось сущей мукой, он сжимал зубы — не свалиться бы на землю и не сдохнуть от потери крови. Боль на некоторое время покидала тело, наверное, от шока. Стало совсем скверно, когда пальцы начали терять чувствительность.

Лишь бы доехать до Ристола...

...Привратник открыл сразу же, как только узнал в наезднике Ламмерта.

— Милорд! Что случилось? Да вы... Да как же... — тараторил, помогая спуститься с лошади.

— Разбуди Аскила, — буркнул Ламмерт и, держась за голову, поплёлся к замку.

Почти не видя ничего перед собой, ввалился в холл и потащился в кабинет.

Толкнув дверь, Хэварт добрёл до стола. Опершись ладонями на него, опустил гудящую голову, стараясь дышать ровнее... вообще дышать. На его плечах жизнь Витлара, а он серьёзно покалечен.

Кровь стекала с волос и падала алыми каплями на столешницу, разбиваясь. Ламмерт не сразу заметил движение сбоку и поздно вспомнил, что Мариса могла быть всё ещё здесь. А теперь перепугал её.

— Ты здесь, фиалка? — Хэварт повернул голову, усмехаясь, но получился обречённый оскал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.